

Две судьбы

Автор:

Уильям Уилки Коллинз

Две судьбы

Уильям Уилки Коллинз

Предлагаемые читателям романы не публиковались в России многие годы. Они полны мелодраматизма, местами в них присутствуют и элементы мистики.

Герои романа «Две судьбы» с детства любят друг друга, но злой рок на долгие годы разлучает их. Сумев в чистоте сохранить чувства, влюбленные, пройдя через все испытания, наконец соединяют свои жизни.

Уилки Коллинз

Две судьбы

© ИДДК, 2020

Пролог

Гость описывает историю одного обеда

Много лет миновало с тех пор, как мы с женой в первый раз приехали в Англию из Соединенных Штатов.

Разумеется, нас снабдили рекомендательными письмами. Между прочим, одно было написано женой моего брата. Оно представляло нас английскому дворянину, который занимал почетное место в списке его старых и дорогих друзей.

– Вы познакомьтесь с мистером Джорджем Джерменем в самый интересный период его жизни, – сказал брат, когда мы прощались. – В своем последнем письме он сообщает мне, что женился. Я не знаю ничего о его жене или о тех обстоятельствах, при которых он с ней познакомился. Но в одном я уверен: холостой или женатый, Джермень окажет радушный прием из чувства дружбы ко мне.

На другой день по прибытии в Лондон мы оставили наше рекомендательное письмо в доме мистера Джерменя.

На следующее утро мы отправились посмотреть на главный предмет интереса для американцев в столице Англии – «Большой Бен». Граждане Соединенных Штатов находят, что этот остаток доброго старого времени полезно действует на повышение в национальной оценке достоинства республиканских учреждений. По возвращении в гостиницу мы нашли карточки мистера и мистрис Джермень, свидетельствовавшие, что они уже ответили на наш визит. В тот же вечер мы получили от новобрачных приглашение на обед. Оно заключалось в записочке мистрис Джермень к моей жене, в которой она предупредила, что мы не встретим у них большого собрания.

«Это наш первый обед после возвращения из свадебной поездки (писала она), и вы познакомитесь только с немногими из старых друзей моего мужа».

В Америке и на европейском материке (как я слышал), когда хозяин приглашает на обед в назначенный час, гости проявляют вежливость и являются ровно в определенное время. Только в Англии существует непонятный и неучтивый обычай заставлять ждать и хозяина, и обед добрых полчаса, если не больше – без всякой видимой причины и с одним формальным извинением: «Досадно, что опоздал».

Приехав к Джерменям в назначенное время, мы имели повод порадоваться своей невежливой точности, которая привела нас в гостиную получасом раньше других гостей.

Во-первых, столько было сердечности и так мало церемоний в их приеме, что мы почувствовали себя почти в родном краю. Во-вторых, и муж, и жена расположили нас к себе с первого взгляда. Особенно пленила нас жена, хотя, строго говоря, ее нельзя было назвать красавицей. В ее лице и обращении была безыскусственная прелесть, в ее движениях естественная грация, в ее тихом голосе приятная мелодичность, которые для нас, американцев, оказывались просто неотразимы. И наконец, было явно (и так приятно), что тут, по крайней мере, пред нашими глазами счастливый брак! Эти двое людей имели все сообща, дорогие надежды, желания, сочувствия – они, казалось, если я могу позволить себе это выражение, рождены быть мужем и женою. К тому времени, когда миновали модные полчаса опоздания, мы беседовали так же свободно и доверчиво, как будто все четверо были старые друзья.

Пробило восемь часов, появился первый гость – англичанин.

Забыв фамилию этого господина, я попрошу позволения обозначить его буквой. Пусть он будет мистер А. Когда он вошел в комнату один, и хозяин, и хозяйка вздрогнули, изумление выразилось на их лицах. Очевидно, они ожидали, что с ним будет кто-то еще. Джермень любопытно спросил:

– Где ваша жена?

Мистер А. объяснил отсутствие этой дамы приличным маленьким оправданием в следующих выражениях:

– Она сильно простудилась. Ей очень жаль. Она просила меня извиниться перед вами.

Едва он успел передать это поручение, как появился другой господин, и также один. Возвращаясь к азбуке, я назову его мистером Б. Опять я заметил, что хозяин и хозяйка вздрогнули, увидев, что гость входит в комнату один.

Признаться, я с некоторым изумлением услышал, что Джермень повторяет новому гостю свой пытливый вопрос:

– Где ваша жена?

Ответ, с небольшими изменениями, состоял из того же приличного маленького оправдания мистера А., повторенного мистером Б.

– Мне очень жаль. Мистрис Б. страдает сильной головной болью. Она подвержена головным болям. Она просила меня извиниться перед вами.

Мистер и мистрис Джермень переглянулись. На лице мужа ясно выразилось подозрение, которое возникло в его уме при втором извинении. Жена была тверда и спокойна. Прошел промежуток времени – безмолвный промежуток. Мистер А. и мистер Б. как виновные, удалились в угол. Мы с женою рассматривали картины.

Избавила нас от неприятного молчания мистрис Джермень. По-видимому, недоставало двух гостей для полного состава общества.

– Сейчас подавать обед, Джордж? – спросила она мужа, – или нам подождать мистера и мистрис В.?

– Мы подождем пять минут, – ответил он коротко, не сводя глаз с гг. А. и Б., остававшихся в углу и осознающих свою вину.

Дверь гостиной отворилась. Все мы знали, что ожидается третья дама, все мы с тайной надеждой устремили глаза на дверь. Наши безмолвные упования возлагались на возможное появление мистрис В. Спасет ли нас эта восхитительная, хотя неизвестная женщина фактом своего присутствия? Я содрогаюсь, когда пишу это. Мистер В. вошел в гостиную... и вошел один. Встречая нового гостя, Джермень вдруг изменил свой традиционный вопрос.

– Ваша жена больна? – сказал он.

Мистер В. был человек пожилой. Он принадлежал (судя по наружности) к тому времени, когда старомодные правила вежливости имели еще полную силу. Он увидел двух женатых собратьев в их углу без жен, понял все и извинился за свою жену с видом человека, который искренно стыдится этого.

– Мистрис В. так огорчена! Она сильно простудилась. Она очень жалела, что не смогла приехать со мной.

При этом третьем извинении гнев Джерменя вырвался наружу, проявившись в следующих словах:

– Две сильные простуды и одна сильная головная боль, – сказал он с иронической вежливостью. – Не знаю, господа, как ваши жены согласуются, когда здоровы. Но когда они больны, их единодушие удивительно!

Едва он успел договорить эти резкие слова, как доложили, что обед подан.

Я имел честь вести к столу мистрис Джермень. Сознание обиды, нанесенной ей женами приятелей мужа, только проявлялось в дрожании, чуть заметном дрожании руки, которая опиралась на мою руку. Мое сочувствие к ней усилилось вдесятеро. Только женщина, привыкшая страдать, способная владеть собой, могла так выносить нравственную пытку, которой подвергали ее эти люди от начала вечера до конца.

Прибегаю ли я к преувеличению, когда пишу о хозяйке дома в этих выражениях? Взгляните на обстоятельства в том свете, в каком они представились таким двум посторонним лицам, как мы с женой.

Новобрачные давали первый обед. Три женатых приятеля Джерменя были приглашены со своими женами приветствовать молодую жену Джерменя и, очевидно, приняли приглашение без задней мысли. Но кто мог сказать, что произошло между приглашением и днем обеда? Одно было ясно, именно, что в этот промежуток три жены договорились поручить мужьям заменить их на обеде мистрис Джермень, и, что всего было изумительнее, мужья настолько одобрили этот грубо оскорбительный образ действия, что согласились передать в высшей степени обидно пошлые предлоги для их отсутствия. Можно ли было нанести более жестокое оскорбление женщине в самом начале ее брачной жизни перед лицом мужа и в присутствии двух посторонних иностранцев? Разве «пытка» слишком сильное слово, чтобы передать страдание чувствительной женщины, сделавшейся жертвой подобного обращения? Я так не думаю.

Мы сели за стол. Не требуйте, чтобы я описывал самое мучительное и убийственное собрание, самое тяжкое и печальное из человеческих пиршеств. И того довольно, право, чтобы не вспоминать о нем!

Мы с женой приложили все старания, чтобы разговор принял самый свободный и безобидный оборот, какой только был возможен. Я могу сказать, что мы трудились изо всех сил. Однако тем не менее нам не сопутствовал успех. Как мы ни старались оставлять их без внимания, три пустые места трех отсутствующих

женщин говорили сами за себя. Как мы с этим ни боролись, однако все сознавали единственный печальный вывод, который эти пустые места упорно навязывали нам. Очевидно, какая-то страшная людская молва, касающаяся доброго имени несчастной женщины, сидевшей за столом хозяйкой, внезапно распространилась и нанесла ей роковой удар в мнении приятелей мужа. После извинений, принесенных в гостиную, ввиду пустых мест за столом, что могли сделать самые дружелюбные гости, чтобы помочь мужу и жене в их горестной и внезапной беде? Только проститься при первом удобном случае и, соответственно, предоставить супругам остаться наедине.

Надо сказать к чести трех господ, обозначенных на этих страницах буквами А., Б. и В., что они стыдились за себя и за своих жен, и потому ушли первые. Через несколько минут и мы встали, чтобы последовать их примеру. Мистрис Джермень убедительно просила нас остаться еще немного.

– Подождите минуту, – шепнула она нам, бросив взгляд на мужа. – Мне надо сказать вам кое-что, прежде чем вы уйдете.

Она отошла от нас и, взяв Джерменя под руку, увела его на противоположный конец комнаты. Они провели вполголоса маленькое совещание между собой. Муж заключил его тем, что поднес к губам руку жены.

– Делай, как знаешь, моя душа, – сказал он ей. – Я предоставляю это исключительно твоему решению.

Он сел и погрузился в грустное раздумье. Мистрис Джермень отперла письменный стол на дальнем конце комнаты и возвратилась к нам одна с маленьким портфелем в руках.

– Не могу выразить словами, как я признательна за вашу доброту, – сказала она совершенно просто, но в то же время с большим достоинством. – При крайне тягостных обстоятельствах вы оказали мне сочувствие и сострадание, как старому другу. Одно, чем могу отплатить вам, это полнейшим доверием, предоставив вам самим судить, заслуживаю ли я обращения, которому подверглась сегодня.

Ее глаза наполнились слезами. Она остановилась, чтобы овладеть собой. Мы с женой стали просить ее не говорить ничего больше. Муж ее, который подошел в

это время, присоединил свои уговоры к нашим. Она поблагодарила нас, но тем не менее настояла на своем. Подобно большей части впечатлительных женщин, она была тверда, когда считала это необходимым.

– Мне остается прибавить только несколько слов, – продолжала она, обращаясь к моей жене.

– Единственная замужняя женщина на нашем маленьком обеде были вы. Явное отсутствие других жен объясняется само собой. Не мне решать, правы они или не правы, отказываясь сидеть за нашим столом. Мой дорогой муж, которому вся моя жизнь так же известна, как мне самой, выразил желание, чтобы мы пригласили этих дам. Он ошибочно предполагал, что его оценка меня будет принята его приятелями, и, ни он, ни я, мы не ожидали, чтобы несчастье моего прошлого было изобличено лицом, которому оно знакомо и которого коварство нам еще предстоит раскрыть. Самое меньшее, что я могу сделать в благодарность за вашу доброту, – это поставить вас в такое положение относительно меня, в каком находятся другие дамы. Обстоятельства, при которых я стала женой мистера Джермена, замечательны в некоторых отношениях. Они изложены без пропусков или ограничений в маленьком рассказе, который мой муж написал перед нашей свадьбой для одного из своих отсутствующих родственников, добрым мнением которого он дорожил. Рукопись в этом портфеле. После того, что произошло, я прошу вас обоих как о милости, чтобы вы прочли ее. Вам предоставляю решить, когда вы все узнаете, прилично или нет честной женщине водить со мною знакомство.

С кроткой и грустной улыбкой она протянула нам руку на прощание. Жена поцеловала ее, забыв по свойственной ей горячности надлежащий этикет. При этом небольшом изъявлении родственного сочувствия твердость, которая все время поддерживала бедную женщину, вдруг изменила ей. Она залилась слезами.

Я сочувствовал ей и жалел ее не менее моей жены. Но (к несчастью) я не мог воспользоваться преимуществом моей жены поцеловать ее. Спускаясь вниз, я нашел случай сказать утешительное слово ее мужу, который проводил нас до дверей.

– Прежде чем открою это, – заметил я, указывая на портфель, который нес под мышкой, – мое мнение составлено, сэр, относительно одного. Не будь я женат, осмелюсь доложить, я пожелал бы себе в спутницы жизни вашу жену.

Он указал в свою очередь на портфель.

– Прочтите, что тут написано, – сказал он, – и вы поймете, что эти ложные друзья заставили меня выстрадать.

На другое утро мы открыли с женой портфель и прочли странную историю женитьбы Джорджа Джермена.

Джордж Джермень описывает историю своей любви

Глава 1. Озеро Зеленых Вод

Оглянись назад, моя память, сквозь туманный лабиринт прошедшего, сквозь череду радостей и горя двадцати лет. Восстаньте вновь, дни моего детства, на извилистых, зеленых берегах маленького озера. Вернись ко мне опять, моя ребяческая любовь, в невинную красоту твоих первых десяти лет жизни. Будем снова жить, мой ангел, как жили в нашем первом раю, прежде чем грех и горе подняли свои пламенеющие мечи и выгнали нас в свет.

На дворе стоял март. Последние дикие утки, зимовавшие здесь в это время года, плавали на озере, называемом на нашем суффолкском наречии озером Зеленых Вод.

Куда бы ни загибалось оно, зеленые берега и нависшие над нами деревья отражались в его водах нежным зеленым цветом, от которого оно и получило свое название. Лодки стояли в бухточке на южной оконечности – моя собственная хорошенькая парусная лодочка имела отдельную крошечную гавань. В бухте на северном конце была устроена большая западня (называемая Приманкой) для ловли диких птиц, которые каждую зиму прилетали тысячами на озеро Зеленых Вод.

Моя маленькая Мери и я вышли вместе, рука в руку, посмотреть, как последние зимние птицы попадают в Приманку.

Наружная часть странной западни для птиц поднималась из воды в виде ряда круглых арок из согнутых гибких ветвей, накрытых тонкими сетями, которые образовали крышу. Мало-помалу уменьшаясь в объеме, арки с их сетями опускались за тайными изгибами бухты вглубь воды до самого ее дна. Вокруг арок со стороны берега тянулся частокол, достаточно высокий, чтобы скрывать от птиц на озере человека, припавшего за ним на колени. Местами в частоколе было отверстие, достаточно большое, чтобы в него прошла такса или собака испанской породы. Тут начинался и кончался простой, однако, весьма сносный механизм Приманки.

В это время мне было тринадцать, Мери десять лет. На нашем пути к озеру нас сопровождал, как спутник и проводник, отец Мери. Добрый человек служил управляющим в имении моего отца. Кроме того, он был мастер заманивать уток. Собака, его помощница (мы в Суффолке не использовали ручных уток для приманки), была маленькая черная такса – также мастерица в своем роде, существо, наделенное в одинаковой мере завидными преимуществами безупречного доброго нрава и безупречного здравого смысла.

Собака следовала за управляющим, мы следовали за собакой.

Дойдя до частокола, которым окружалась Приманка, собака села ждать, пока ее потребуют. Управляющий и мы, дети, припали за частокол, посмотреть в самое крайнее снаружи отверстие, откуда вид открывался на все озеро. День был совершенно тихий, ни малейшей ряби не пробегало по воде, мягкие серые облака заволокли все небо и скрывали солнце.

Мы выглянули в отверстие частокола. Вот стая диких уток, собравшихся на небольшом расстоянии от Приманки, спокойно чистила свои перья на тихой поверхности озера.

Управляющий посмотрел на собаку и сделал знак. Собака посмотрела на управляющего, тихо подошла, пролезла в отверстие частокола, встала неподвижно на узкой полосе земли, которая от частокола шла покато к озеру.

Сперва одна утка, потом другая, а там с полдюжины в одно время увидели собаку.

Новый предмет, показавшийся на пустынной местности, внезапно превратился в цель жадного любопытства уток. Крайние медленно поплыли к странной четвероногой твари, неподвижной на берегу. Главный корпус любопытных птиц последовал по двое и по трое за авангардом. Подплывая все ближе и ближе к собаке, осторожные утки, однако, вдруг остановились и, держась устойчиво на воде, созерцали на безопасной дистанции феномен на берегу.

Управляющий наклонился за частоколом и шепнул:

– Трим!

Услышав свое имя, такса повернула назад, пролезла сквозь отверстие и, утки потеряли ее из вида. Неподвижные на воде, птицы дивились и ждали. Через минуту собака обежала вокруг и показалась в следующем отверстии частокола, пробитом дальше внутрь, там, где озеро входило в очередные изгибы бухты.

Второе появление таксы мгновенно вызвало новый прилив любопытства между утками. Они дружно поплыли опять вперед, чтобы вторично и ближе посмотреть на собаку, но опять рассудив, какое расстояние для них безопасно, они остановились на этот раз под наружной аркой Приманки. Собака исчезла вновь, и озадаченные утки ждали. Миновал промежуток времени – и третье появление Трима произошло через третье отверстие в частоколе, пробитое еще глубже внутрь бухты. В третий раз неудержимое любопытство побудило птиц продвигаться вперед все дальше и дальше внутрь роковых сводов Приманки. Четвертый и пятый раз повторилась та же проделка, пока собака завлекла птиц от места к месту в самую глубину западни. Тут Трим появился в последний раз. В последний раз также подвинулись вперед утки и остановились осторожно на расстоянии. Управляющий дернул веревку. Сети с гирями упали вертикально в воду и закрыли западню. И вот несколько десятков птиц оказались пойманными в ней из-за собственного любопытства с помощью одной только маленькой собаки для приманки. Через несколько часов все утки находились на пути в Лондон на рынок.

Когда последнее действие любопытной комедии в Приманке подошло к концу, маленькая Мери положила руку на мое плечо и, приподнявшись на цыпочки,

шепнула мне на ухо:

- Джордж! Пойдем со мной домой. Что я покажу тебе! Лучше, чем смотреть на уток.

- Что это?

- Сюрприз. Не скажу.

- А поцелуешь меня?

Прелестное маленькое создание обвило тоненькими загорелыми ручками мою шею и ответило:

- Сколько хочешь, Джордж.

Это было сказано совершенно невинно с ее стороны.

Невинно также поступал и я. Добрый, снисходительный управляющий, отвернувшись в эту минуту от своих уток, захватил нас врасплох среди изъявления нашей детской любви в объятиях друг друга. Он погрозил нам своим толстым указательным пальцем и с грустной, отчасти и недоумевающей улыбкой.

- О, мистер Джордж, мистер Джордж! - сказал он. - Разве одобрит батюшка, когда вернется, чтобы его сын и наследник целовал дочь управляющего?

- Когда приедет домой отец, - ответил я с большим достоинством, - я скажу ему правду. Я скажу ему, что женюсь на вашей дочери.

Управляющий захохотал и снова перевел взор на уток.

- Ладно, ладно! - услышали мы, как он говорил сам с собой. - Они просто дети. Нет еще надобности разлучать их, бедняжек, на время.

Мы с Мери очень не любили, чтобы нас называли детьми. Собственно говоря, Мери была девица десяти лет, а я – молодой человек тринадцати. Мы ушли от доброго управляющего в негодовании и вдвоем направились рука в руку к коттеджу.

Глава 2. Два молодых сердца

– Он растет очень быстро, – сказал доктор моей матери, – и становится чересчур учен для мальчика его лет. Возьмите его из школы, сударыня, на добрых полгода. Пусть он бегает дома, на чистом воздухе. А если вы найдете у него книгу в руках, отнимите тотчас. Возьмите мои рекомендации.

Эти слова решили судьбу всей моей жизни.

Вследствие совета доктора меня оставили праздным, без братьев, сестер или товарищей моих лет, бродить по полям и лугам нашего уединенного поместья. Дочь управляющего была, подобно мне, единственным ребенком и так же, как я, не имела товарищей для игр. Мы встретились в наших странствованиях на пустынных берегах озера. Начав с того, что были неразлучными товарищами, мы созрели и развились в настоящих влюбленных. Наш первый период любви закончился (до моего возвращения в школу) тем, что мы решили, не ожидая, когда повзрослеем, стать мужем и женой.

Я пишу не в шутку. Как нелепо ни покажется это «людям рассудительным», мы, двое детей, страстно любили друг друга – если когда-либо существовала любовь.

Мы не имели понятия ни о каких удовольствиях, кроме вполне невинного удовольствия, которое находили в обществе друг друга. Мы ненавидели ночь, потому что она разлучала нас. Мы умоляли родителей, каждый со своей стороны, позволить нам спать в одной комнате. Я сердился на мать, а Мери была огорчена отцом, когда они смеялись над нами и спрашивали, что мы еще выдумаем. Переносясь мысленно от тех детских дней к дням моей возмужалости, я живо припоминаю все счастливые часы, какие выпали мне на долю. Но я не запомню наслаждения в эту позднейшую эпоху, которое могло бы сравниться с тем безграничным, не притупляющимся удовольствием, которым преисполнялось

мое юное существо, когда я гулял с Мери в лесу, когда катался с Мери по озеру в моей лодочке, когда встречал Мери после жестокой разлуки на ночь и бросался в ее ответные объятия, точно мы были в разлуке долгие месяцы.

Что влекло нас так сильно друг к другу в том возрасте, когда половые чувства еще не пробуждались ни в ней, ни во мне?

Мы не знали этого и не доискивались. Мы повиновались побуждению любить друг друга, как птица повинуется побуждению летать.

Пусть не подумают, что мы владели какими-либо особенными врожденными способностями или преимуществами, которые выделяли бы нас из общего уровня поражающим несходством с другими детьми нашего возраста. Ничего такого в нас не было. Меня называли способным мальчиком в школе, но тысячи мальчиков в тысячах других школ оказывались первыми в своих классах и заслуживали награды, подобно мне. Лично я ничем не был замечателен – разве только, выражаясь обычной фразой, тем, что был «высок ростом для своих лет». Со своей стороны и Мери не отличалась особенной привлекательностью. Она была слабенький ребенок с добрыми, серыми глазами и бледным цветом лица, удивительно сдержанный, удивительно дикий и молчаливый, за исключением того времени, когда она оставалась со мной наедине. Вся ее красота в те далекие дни детства состояла в какой-то безыскусственной чистоте и нежности выражения лица и в чудном красноватом оттенке темных волос, которые красиво переливались разными цветами. По-видимому, двое совершенно обыкновенных детей были таинственно соединены какой-то родственной духовной связью, которая не только не могла быть осознана нашими юными головами, но еще скрывалась так глубоко, что ускользала от внимания лиц гораздо старше и опытнее нас.

Вы, естественно, спросите себя, что сделали старшие, чтобы умерить нашу преждевременную любовь, пока она еще была невинной привязанностью между мальчиком и девочкой.

Отец ничего не сделал, по той простой причине, что находился в отъезде.

Он был человек ума беспокойного и спекулянт. Получив в наследство имение, обремененное долгами, он задался честолюбивой целью увеличить собственными усилиями небольшой получаемый им доход, поселиться в Лондоне

в собственном доме и подниматься к политическим высотам по ступеням парламента. Старый друг, который переселился в Америку, предложил ему спекуляцию землей в одном из западных штатов, которая должна была обогатить их обоих. Причудливая фантазия моего отца пленилась этой мыслью. Более года он оставался вдали от нас в Соединенных Штатах, и мы только знали о нем (по его письмам), что вскоре он должен возвратиться в завидном положении одного из богатейших людей в Англии.

А моя бедная мать, самая кроткая женщина и с самым нежным сердцем, ничего больше не желала, как видеть меня счастливым.

Маленький роман двух детей забавлял ее и внушал ей сочувствие. Она шутила с отцом Мери насчет союза двух семейств, ни разу серьезно не подумав о будущем – даже не подозревая, что может произойти, когда приедет отец. «На всякий день довольно своего зла (или добра)», – говаривала матушка и держалась этого правила всю жизнь. Она соглашалась со спокойной философией управляющего, уже выраженной на этих страницах словами: «Они просто дети. Нет еще надобности разлучать их, бедняжек, на время».

Однако один член семейства взглянул на этот вопрос серьезно и рассудительно.

Брат моего отца навестил нас в нашем уединении – увидел, что происходит между мной и Мери, – и сначала, разумеется, скорее был расположен посмеяться над нами. Но, взглядевшись пристальнее, он изменил свое мнение. Он убедился, что моя мать поступает как дура, что управляющий (самый верный слуга, какой бывал на свете) искусно блюдет свои интересы при помощи дочери и что я идиот, развивший врожденные задатки глупости в необычайно ранний период моего существования. Говоря с моей матерью под влиянием этих сильных впечатлений, дядя предложил взять меня с собой в Лондон и продержать у себя, пока я не опомнюсь от сумасшествия, в обществе его собственных детей и под тщательным надзором в его доме.

Мать колебалась, принять предложение или нет, она имела то преимущество над дядей, что знала мой характер. Пока она оставалась в недоумении, пока дядя с нетерпением ждал ее ответа, я решил вопрос за старших тем, что убежал.

Я оставил письмо, в котором объявлял, что никакая человеческая власть не разлучит меня с Мери, и обещал вернуться испросить прощение моей матери, как только дядя уедет из нашего дома. Меня старательно разыскивали, однако не нашли ни малейшего указания на мое убежище. Дядя уехал обратно в Лондон, предсказывая, что я буду позором для семейства, и грозя сообщить свое мнение обо мне отцу с первой же почтой.

Тайну убежища, где я успел укрыться от всяких преследований, объяснить легко.

Я скрывался (без ведома управляющего) в спальне его матери. А знала ли об этом мать управляющего, спросите вы. На что я отвечаю: она-то и сделала это. Более того, она гордилась тем, что сделала, – заметьте, однако, не как враждебное действие против моих родных, но просто по долгу совести.

Какой же была эта изумительная старушка?

Пусть она представится и заговорит сама за себя – странная и мудрая бабушка кроткой маленькой Мери, сивилла^[1] - Сивилла – у древних греков и римлян – прорицательница, женщина, предсказывающая будущее] новейшего времени, известная во всем нашем крае в Суффолке под именем бабушки Дермоди.

Принимаясь писать, я, как теперь, вижу ее сидящую в чистой комнате хорошенького коттеджа сына, у самого окна так, что свет падал на ее плечо, пока она вязала или читала. Бабушка Дермоди была сухощавая, мускулистая старуха – с огненными черными глазами под кустистыми белыми бровями, высоким, морщинистым лбом и густыми белыми волосами, опрятно подобранными под чепчик простолюдинки старинного фасона. Украдкой говорили (и говорили справедливо), что она была благородного происхождения и образованная женщина, но добровольно отказалась от своих надежд в жизни потому, что вышла за человека, стоявшего гораздо ниже ее по общественному положению. Какого бы мнения ни была ее родня об этом браке, она сама никогда не раскаивалась. Она дорожила памятью мужа, как святыней, его дух был ангелом-хранителем, бодрствовавшим над ней наяву и во сне, днем и ночью.

Питая эту веру, она вовсе не была под влиянием материальных понятий новейшего происхождения, соединяющих присутствие духов с грубыми фокусами и прыжками мартышек вокруг столов и стульев. Суеверие бабушки

Дермоди свойства возвышеннее, составляло существенную часть ее религиозных убеждений – убеждений, давно уже нашедших себе любимый приют в мистических доктринах Эммануила Сведенборга. Единственные книги, какие она читала, это были сочинения шведского мистика. Она соединяла учения Сведенборга об ангелах и духах умерших, о любви к ближнему и чистоте жизни с собственными фантазиями и близкими к мистике верованиями, и проповедовала мечтательную религиозную систему, образовавшуюся таким образом, – не только в доме сына, но и в экспедициях по всему краю, с целью прозелитизма в домах скромных соседей.

Под кровлею сына – после смерти его жены – она владела верховной властью, равно гордясь тщательным соблюдением домашних обязанностей и привилегированным сообщением с ангелами и духами. Она вела продолжительные беседы с духом своего умершего мужа при ком бы то ни было, кто случайно при этом присутствовал. Эти беседы поражали простодушных зрителей безмолвным ужасом. По ее мистическому взгляду, союз любви между Мери и мной был нечто такое священное и такое прекрасное, что его нельзя было судить по низкой и пошлой мерке, установленной обществом. Она писала для нас образцы коротеньких молитв и хвалы Богу, чтобы мы читали их ежедневно при встрече и когда расставались. Она торжественно увещевала сына смотреть на нас как на двух посвященных существ, идущих бессознательно по собственной небесной стезе, которой начало на земле, но блистательный конец между ангелами в лучшей жизни.

Представьте себе, что я явился пред такой женщиной и со слезами отчаяния уверял, что решился скорее умереть, чем позволить дяде разлучить меня с маленькой Мери, разумеется, вы не станете более удивляться, что мне гостеприимно открылось святилище собственной комнаты бабушки Дермоди.

Когда я мог выйти из моего тайного приюта, не подвергаясь опасности, я сделал большую ошибку. Благодаря старуху в ту минуту, когда расставался с ней, я сказал (с понятием мальчика о чести):

– Я вас не выдам, бабушка, мама не узнает, что вы спрятали меня в вашей спальне.

Сивилла положила свою сухую, костлявую руку на мое плечо и толкнула меня назад на стул, с которого я было поднялся.

– Дитя! – вскричала она, пронизывая меня насквозь своими огромными черными глазами. – Как ты смеешь думать, чтобы я когда-либо сделала то, чего могу стыдиться? Ты воображаешь, что я стыжусь того, что теперь сделала? Подожди тут. Твоя, мать, пожалуй, также не поймет меня. Я напишу твоей матери.

Она надела свои большие круглые очки в черепаховой оправе и села писать. Как только мысли ее затормаживались, как только она затруднялась подыскать нужное выражение, то немедленно оглядывалась через плечо, точно будто какое-то видимое существо стояло за ней, следя за тем, что она пишет, советовалась с духом мужа так точно, как советовалась бы с живым человеком, – слегка улыбалась про себя – и продолжала писать.

– Вот! – сказала она, подавая мне написанное с царским движением помилования. – Его мнение и мое мнение выражены тут. Ступай, дитя. Я прощаю тебя. Передай мое письмо твоей матери.

Так она всегда говорила торжественно и с соблюдением достоинства в обращении и речах.

Я отдал письмо моей матери. Мы прочли его и вместе дивились ему. По внушению неразлучного с ней духа ее мужа, бабушка Дермоди написала следующее:

«Милостивая государыня!

Я взяла большую смелость написать вам, в зависимости от того, как вы сможете взглянуть на это. Я помогла вашему сыну Джорджу восстать против власти дяди. Я одобрила решение вашего сына Джорджа остаться верным моей внучке Мери Дермоди в этой жизни и в будущей.

Считаю долгом по отношению к вам и к себе высказать, чем я руководилась, поступая таким образом.

Я такого убеждения, что всякая истинная любовь предопределена свыше и освящена на небесах. Духи, предназначенные соединиться в лучшем мире по божественному велению, должны отыскать друг друга и заключить свой союз

еще на земле. Единственные счастливые браки те, когда два predetermined духа успели встретиться в этой сфере жизни.

Когда родственные духи однажды встретились, никакая человеческая власть уже не в состоянии разлучить их на самом деле. Рано или поздно они, по божественному закону, снова отыщут друг друга и снова соединятся в духе. Мирская мудрость, пожалуй, вынудит их ступить на совершенно разные, далекие один от другого пути жизни, мирская мудрость может увлечь их или самих заставить увлечься земным и ложным союзом. Все равно. Непременно настанет время, когда этот союз окажется только земным и ложным, и два разъединенных духа, отыскав друг друга, опять соединятся здесь для высшего мира – соединятся, говорю вам, наперекор всем человеческим законам и всем человеческим понятиям о том, что справедливо и что нет.

Вот мое убеждение. Я доказала его собственной жизнью. Я оставалась ему верна девушкой, женой и вдовой и никогда не обманывалась в нем.

Родилась я, милостивая государыня, в том общественном сословии, к которому принадлежите вы. Я получила то низкое и материальное образование, которое в светском понятии соответствует требованиям воспитания. Благодарение Богу, родственный мне дух сошелся с моим духом, пока я была еще молода. Я познала истинную любовь и истинный союз, не достигнув еще двадцати лет. Я вышла, милостивая государыня, за человека того сословия, из которого Спаситель избрал своих учеников, – я вышла за пахаря. Нельзя выразить на языке людей мое счастье, пока мы жили в земном союзе. Его смерть не разлучила нас. Он помог мне написать это письмо. Когда пробьет мой последний час, я увижу его среди сонма ангелов, ожидающего меня на берегах сияющей реки. Теперь вы поймете мой взгляд на связь, соединяющую молодые духи наших детей при счастливом начале их жизни.

Поверьте, то, что предложил вам деверь, просто святотатство и осквернение. Я сознаюсь откровенно, что смотрю на сделанное мной, чтобы помешать этому, как на подвиг добродетели. Вы не можете требовать, чтобы я находила препятствием союзу, predetermined на небесах, то обстоятельство, что ваш сын наследник сквайра[2 - Сквайр в Англии – титул, присоединяемый к фамилии земельного собственника.], а моя внучка только дочь управляющего. Отрешитесь, умоляю вас, от недостойных и нехристианских сословных убеждений. Разве не все мы равны перед Богом? Разве не все мы равны (даже в этом мире) в болезни и смерти? Обратите внимание на мои слова. Не только

одно счастье вашего сына, но и ваш собственный душевный мир зависят от этого. Предупреждаю вас, милостивая государыня, вы не можете помешать predetermined союзу этих двух детских духов в позднейшие годы как мужа и жены. Разлучите их теперь – и вы будете ответственны за жертвы, унижения и страдания, через которые ваш Джордж и моя Мери будут вынуждены пройти на обратном пути друг к другу позднее в жизни.

Теперь у меня камень свалился с души. Я высказала все.

Если я говорила слишком смело или иным способом невольно оскорбила вас, прошу простить меня и остаюсь, милостивая государыня, вашей преданной слугой и доброжелательницей.

Елена Дермодию».

Так кончалось письмо.

Для меня это более чем любопытный образец эпистолярного произведения. Я вижу в нем пророчество, удивительным образом сбывшееся в позднейшую эпоху событий в жизни Мери и моей, которые будут изложены на следующих страницах.

Матушка решила оставить письмо без ответа. Подобно многим из беднейших своих соседей, она немного побаивалась бабушки Дермоди и, кроме того, вообще не любила вступать в прения о тайнах духовной жизни. Меня пожурили, прочли мне наставление и простили – тем это и кончилось.

–Еще несколько счастливых недель провели мы с Мери без помех или перерывов нашего старого дружного товарищества. Однако конец настал, когда мы ожидали менее всего. Матушка в одно утро была перепугана письмом от моего отца, в котором он извещал, что ему внезапно пришлось отправиться обратно в Англию, что он прибыл в Лондон и остается там по делу, не терпящему отлагательства, и что мы должны ждать его возвращения со дня на день – как только он освободится.

Эта весть вызвала у моей матери тревожные сомнения насчет надежности земельной спекуляции отца в Америке. Внезапный отъезд из Соединенных Штатов и таинственная задержка в Лондоне предвещали, по ее мнению, бедствие. Я пишу теперь о старых временах, о прошедшем, когда железные дороги и электрические телеграфы были еще одной мечтой в умах изобретателей. Быстрая связь с отцом (даже если бы он пожелал посвятить нас в свои дела) была невозможна. Нам ничего больше не оставалось, как ждать и надеяться.

Грустные дни проходили одни за другими – и все еще короткие письма отца говорили, что он задержан делами. Настало утро, когда мы с Мери и управляющим Дермоди пошли поглядеть на последних диких уток, заманенных в Приманку, а все еще приветливый дом ожидал хозяина, и ожидал напрасно.

Глава 3. Сведенборг и Сивилла

Мой рассказ будет продолжаться с того места, на котором он был прерван в конце первой главы.

Мы с Мери (как вы, вероятно, помните) оставили управляющего одного у Приманки и вместе направились к его коттеджу.

Когда мы подходили к садовым воротам, я увидел ожидающего там слугу из нашего дома. Он имел поручение от моей матери – именно ко мне.

– Барыня просит вас скорее домой, мистер Джордж. Пришло письмо по почте. Барин приедет на почтовых из – Лондона и прислал извещение, чтобы ждали его сегодня.

Милое личико Мери опечалилось при этих словах.

– Неужели ты в самом деле должен уйти, Джордж, – шепнула она мне, – не увидев того, что я приготовила для тебя дома?

Я вспомнил обещанный ею «сюрприз», тайну которого мне следовало открыть только тогда, когда мы придем в коттедж. Мог ли я обмануть ее ожидание? Моя бедная маленькая возлюбленная, казалось, готова была расплакаться от одной этой мысли. Я отослал лакея, чтобы выиграть время.

– Кланяйся маме, – скажи, что через полчаса я буду дома.

Мы вошли в коттедж.

Бабушка Дермоди сидела, как обыкновенно, в кресле у окна, с одной из мистических книг Эммануила Сведенборга, лежащей открытой на коленях. Она торжественно подняла руку, когда мы вошли, сделав нам знак занять свой обычный уголок и не заговаривать с ней. Помешать чтению сивиллы было преступлением против ее домашнего величества. Мы тихо прокрались на наши места. Мери выждала, пока не увидела, что седая голова бабки склонилась над книгой и ее густые брови нахмурились от сосредоточенного чтения. Тогда, только тогда, осторожная девочка встала на цыпочки и без малейшего шума пробралась к спальне и скрылась там, но тотчас же появилась опять, неся что-то тщательно завернутое в свой самый лучший кембриковый платок.

– Это сюрприз? – спросил я шепотом.

– Отгадай, что это? – шепнула она мне в ответ.

– Для меня?

– Да. Отгадывай же. Что это?

Я отгадывал три раза – и каждый раз ошибался. Мери решилась помочь мне намеком.

– Говори азбуку, – предложила она, – и продолжай, пока я не остановлю тебя.

Я начал.

Она остановила меня на букве А.

– Это название вещи, – сказала она. – И начинается на Ф.

Я стал перебирать «Фиалка», «Флаконт», «Флейта»... тут моя изобретательность иссякла.

Мери вздохнула и покачала головой.

– Ты не стараешься, – заметила она. – Ведь ты на целых три года старше меня. После всех моих трудов, чтобы доставить тебе удовольствие, ты, пожалуй, уже такой взрослый, что мой подарок не порадует тебя, когда ты увидишь его. Угадывай еще.

– Не могу отгадать.

– Должен!

– Я отказываюсь.

Мери не соглашалась с моим отказом. Она помогла мне другим намеком.

– Что ты сказал мне раз, чего хотел бы для своей лодки? – спросила она.

– Давно? – осведомился я, не находя ответа.

– Давно, очень давно! Еще до зимы. Когда листья падали и ты катал меня один раз в своей лодочке. Ах! Джордж, ты забыл!

К сожалению, это было справедливо как относительно меня, так и собратьев моих, старых и молодых. Мы, хотя только дети, однако представляли собой типы мужчины и женщины.

Мери потеряла терпение. Забыв про грозное присутствие бабки, она вскочила и выдернула из платка таинственный предмет.

– Вот, – вскричала она с живостью, – теперь ты знаешь, что это?

Наконец я вспомнил. Я хотел для своей лодки уже много, много месяцев новый флаг. И вот оказывался флаг, изготовленный для меня втайне собственными руками Мери! На поле из зеленой шелковой материи был вышит белый голубок с неизменной оливковой веткой в носике, вышитой золотом. Работа была проделана неискусными и нетвердыми пальчиками ребенка. Но как помнила моя возлюбленная крошка о моем желании, как терпеливо старалась вывести иглой нарисованный узор, как трудилась в скучные зимние дни, и все для меня! Какими словами изобразить мою гордость, мою признательность, мое блаженство? И я, забыв о присутствии сивиллы, склоненной над ее книгой, схватил маленькую работницу в объятия и целовал ее до тех пор, пока совсем не задохнулся и не в силах был целовать больше.

– Мери! – воскликнул я в пылу восторга. – Мой отец приезжает сегодня. Я поговорю с ним в этот же вечер. Завтра я женюсь на тебе.

– Дитя! – произнес бабушкин голос на другом конце – комнаты. – Подойди сюда.

Мистическая книга бабушки Дермоди была закрыта, а пронзительные черные глаза бабушки Дермоди наблюдали за нами в нашем уголке. Я подошел к ней. Мери робко ступала за мной шаг за шагом.

Сивилла взяла меня за руку с ласковой нежностью, которая была для меня новым явлением в ней.

– Ценишь ты эту игрушку? – спросила она, глядя на флаг. – Спрячь скорее! – вскричала она прежде, чем я успел ответить. – Спрячь, иначе ее отнимут у тебя.

– Зачем мне прятать? Я подниму флаг на верхушку мачты моей лодки.

– Никогда ты не поднимешь его на мачту твоей лодки!

С этим словами она взяла у меня флаг и нетерпеливо сунула его в боковой карман моей куртки.

– Не сомните, бабушка, – жалобно запротестовала Мери.

Я спросил опять:

– Почему я никогда не подниму его на мачту моей лодки?

Бабушка Дермоди положила руку на закрытый том сочинений Сведенборга, лежавший на ее коленях.

– Три раза я раскрывала эту книгу сегодня утром, – сказала она. – Три раза слова пророка предостерегали меня, что горе близко. Дети! Это горе постигнет вас. Я смотрю туда, – продолжала она, указывая на место, где солнечный свет наклонно вливался в комнату, – и вижу моего мужа в его небесном сиянии. Он грустно склоняет голову и указывает на вас рукой, которая никогда не ошибается. Джордж и Мери, вы предназначены друг для друга. Будьте всегда достойны вашего предназначения, будьте всегда достойны самих себя.

Она приостановилась. Ей изменил голос. Она смотрела на нас ласковым взглядом, как смотрят те, которые с грустью видят приближение разлуки.

– Станьте на колени! – сказала она тихо с выражением страха и горя. – Быть может, я в последний раз благословлю, в последний раз помолюсь над вами в этом доме. Станьте на колени!

Мы стали на колени у самых ее ног. Я чувствовал, как билось сердце Мери, когда она прижималась к моему плечу все ближе и ближе. Я слышал ускоренное биение моего собственного сердца от непонятного страха.

– Боже, благослови и храни Джорджа и Мери ныне и вовеки! Господи, пошли в будущем союз, предопределенный мудрым Провидением. Аминь. Да будет так. Аминь!

Едва она произнесла последние слова, как дверь коттеджа распахнулась настежь. Отец, а за ним управляющий вошли в комнату.

Бабушка Дермоди медленно поднялась на ноги и посмотрела на отца с суровой пытливостью.

– Настало? – пробормотала она про себя. – Оно глядит глазами, оно заговорит голосом этого человека.

Последовавшее за тем молчание прервал мой отец, обратившись к управляющему.

– Видите, Дермоди, – сказал он, – вот мой сын у вас в коттедже, когда ему следует быть в моем доме.

Он обернулся и поглядел на меня. Я стоял, обняв маленькую Мери и терпеливо выжидая своей очереди говорить.

– Джордж, – сказал отец с суровой улыбкой, свойственной ему, когда он сердился и хотел скрыть это, – ты дурачишься. Оставь этого ребенка и ступай со мной.

Теперь или никогда настало время для меня высказаться. Судя по моей наружности, я был еще ребенком. Судя по моим собственным чувствам, я мгновенно превратился в мужчину.

– Папа, я рад, что вижу вас опять дома, – сказал я. – Это Мери Дермоди. Я люблю ее, и она любит меня. Я хочу жениться на ней, когда это будет удобно для мамы и для вас.

Отец расхохотался. Но я не успел разинуть рта, как его настроение снова изменилось. Он заметил, что Дермоди также позволил себе посмеяться. Внезапно он пришел в неопределимую ярость.

– Мне говорили про это проклятое дурачество, – сказал он. – Только я не верил до сих пор. Кто вскружил глупую голову этого мальчугана? Кто поощрил его стоять, обнявшись с этой девочкой? Если это вы, Дермоди, то хуже такой работы вы не делывали в жизни.

Он обернулся ко мне прежде, чем управляющий мог сказать что-либо в свое оправдание.

– Слышишь, что я говорю? Я приказываю тебе выпустить из рук девочку Дермоди и идти домой за мной.

– Хорошо, папа, – ответил я. – Но позвольте мне потом вернуться к Мери.

Несмотря на свой гнев, отец буквально оторопел от моей смелости.

– Твоя дерзость превышает всякое вероятие, юный идиот! – вскричал он. – Вот я тебе что скажу, ты никогда более не переступишь порога этого дома! Здесь тебя научили неповиноваться мне. Тебе вбили здесь в голову то, что не следует знать мальчишке твоих лет, скажу более, что порядочные люди не допустили бы тебе узнать.

– Прошу извинения, сэр, – вмешался Дермоди очень почтительно, но очень твердо в то же время. – Много есть такого, что хозяин в горячности имеет право сказать человеку, который ему служит. Но вы зашли за пределы ваших прав. Вы стыдили меня, сэр, в присутствии моей матери, при моем ребенке.

Мой отец прервал его.

– Можете избавить меня от остального, – сказал он. – Я вам уже не хозяин, вы мне не слуга. Когда мой сын вертелся около вашего коттеджа, чтобы амурничать с вашей дочерью, долг предписывал вам запереть дверь перед его носом. Вы не выполнили вашей обязанности. Я уже не имею к вам доверия. Я даю вам месяц срока, Дермоди. Вы должны оставить это место.

– Позвольте отказаться от месячного срока, сэр, – ответил он. – Вы не будете иметь случая повторить то, что сейчас сказали мне. Я пришлю вам мои отчеты сегодня вечером. Завтра я оставляю службу у вас.

– В одном мы согласны, – возразил отец. – Чем скорее, тем лучше.

Он прошел через комнату и опустил руку на мое плечо.

– Слушай, – сказал он, с трудом пытаясь владеть собой. – Я не хочу тебя бранить в присутствии слуги, которому отказано. Надо положить конец этому безумию. Оставь этих людей, не мешай им собраться и уехать, а сам ступай со мной в дом.

Его тяжелая рука, налегая на мое плечо, будто вытесняла из меня дух сопротивления. Я поддался настолько, что попробовал смягчить его просьбами.

– О, папа! Папа, – вскричал я, – не разлучайте меня с Мери! Посмотрите, как она хороша и добра! Она сделала мне флаг для моей лодки. Позвольте мне приходить сюда и видеться с ней время от времени. Я не могу жить без нее.

Я не имел возможности сказать более. Моя бедненькая Мери зарыдала. И ее слезы, и мои мольбы не оказали никакого влияния на моего отца.

– Выбирай одно из двух, – сказал он. – Если добровольно не пойдешь со мной, то вынудишь меня увести тебя силой. Я намерен разлучить тебя с девочкой Дермоди.

– Ни вы, никто-либо из людей не в состоянии разлучить их, – произнес голос позади нас. – Отрешитесь от этой мысли, господин, пока еще не поздно.

Отец быстро оглянулся и увидел бабушку Дермоди, глядевшую на него при ярком свете окна. В начале спора она отступила назад в угол за очагом. Там она и оставалась, выжидая время, чтобы заговорить, пока последняя угроза отца не вызвала ее из тайного убежища.

Они глядели с минуту друг на друга. Отец, по-видимому, считал ниже своего достоинства возражать ей. Он продолжал говорить мне.

– Я медленно стану считать до трех, – начал он. – Прежде чем я скажу «три», ты должен решиться исполнить мою волю или подвергнуться позору, когда тебя уведут силой.

– Ведите его куда хотите, – вмешалась бабушка Дермоди, – он все-таки на пути к браку с моей внучкой.

– А я где буду, с вашего позволения? – не выдержал, чтобы не возразить, отец, задетый за живое.

Ответ последовал мгновенно и в следующих страшных словах:

– Вы будете на пути к разорению и смерти!

Отец отвернулся от прорицательницы с улыбкой презрения.

– Раз! – начал он считать.

Я стиснул зубы и обвил Мери обеими руками. Я наследовал отчасти его нрав, и ему предстояло теперь удостовериться в этом.

– Два! – продолжал отец, подождав немного.

Мери приложила дрожащие губы к моему уху и шепнула:

– Пусти меня, Джордж! Я не могу видеть этого. О! Посмотри, как он хмурится! Я знаю, он будет бить тебя!

Отец поднял указательный палец для предварительного предостережения перед тем, как произнес: три!

– Пойдите! – вскричала бабушка Дермоди. Отец оглянулся на нее с насмешливым изумлением.

– Позвольте узнать, вы что-нибудь особенное желаете сообщить мне? – спросил он.

– Человек! – возразила сивилла. – Ты говоришь легкомысленно! Разве я говорю с тобой шутя? Предупреждаю тебя, преклони свою нечестивую волю перед волею могущественнее твоей. Духи этих детей родственны. Они соединены в этой жизни и навек. Пусть их разделят земля и море – они все-таки останутся вместе, они будут общаться видениями, они будут открываться друг другу в снах. Сколько ни связывать их земными узами, хотя бы женить со временем твоего сына на другой и выдать мою внучку за другого, все будет напрасно! Говорю тебе, все будет напрасно! Можешь осудить их на страдание, можешь вынудить к греху – все равно, день их союза предопределен на небесах. Он настанет! Он настанет! Покорись, пока в твоей власти покориться. Ты человек осужденный. Я вижу тень бедствия, вижу печать смерти на твоём челе. Пусть эти посвященные вместе идут по мрачным стезям мира сего, сильные своей невинностью, освященные своей любовью. Иди, и да простит тебя Бог!

Отец невольно был поражен неодолимой силой убеждения, которое внушали эти слова. Мать управляющего произвела на него такое впечатление, как

трагическая актриса на сцене. Она остановила насмешливое возражение, готовое сорваться с его губ, но она не поколебала его железной воли. Его лицо было суровее чем когда-либо в ту минуту, когда он снова обратился ко мне.

- Последняя льгота, Джордж, - сказал он и произнес последнее число:

- Три!

Я не ответил и не пошевелился.

- Ты, видно, хочешь этого? - сказал он, схватив меня за руку.

Я крепче обвил руками Мери и шепнул ей:

- Не оставлю тебя!

Она как будто не слыхала. Она дрожала всем телом в моих объятиях. Слабый крик ужаса сорвался с ее губ. Дермоди тотчас подошел к нам. Мой отец еще не успел оторвать меня от нее силой, как он сказал мне на ухо:

- Вы можете отдать ее мне, мистер Джордж, - и высвободил дочь из моих объятий.

Она с любовью протянула мне свои худенькие ручки, когда отец заключил ее в свои объятия.

- Прощай, дорогой! - едва слышно проговорила она. Я увидел, что ее головка упала на грудь отца, и меня потащили к двери. В моей бессильной ярости и моем несчастье, я из всех оставшихся сил боролся с жестокими руками, которые овладели мной. Я кричал ей:

- Я люблю тебя, Мери! Я вернусь к тебе, Мери! Я ни на ком не женюсь, кроме тебя, Мери!

Шаг за шагом меня увлекали все дальше. При последнем взгляде на мою возлюбленную я видел, что ее головка еще лежит на груди отца. Бабушка стояла возле, она грозила моему отцу сморщенными руками, и выкрикивала свои

страшные пророчества в истерическом исступлении, которое овладело ею, когда она увидела, что разлука совершилась.

- Ступай!.. Ты идешь на свою гибель! Ты идешь на смерть!

Пока ее голос еще раздавался в моих ушах, дверь коттеджа отворилась и затворилась вновь. Все было кончено. Скромный мир моей детской любви и моих детских радостей исчез, как сновидение. Пустынная степь вне его был мир моего отца, открывшийся перед мной без любви, без радостей. Прости мне, Бог... Как ненавидел я отца в эту минуту!

Глава 4. Занавес опускается

Весь остаток дня и всю ночь я был пленником в моей комнате под охраной слуги, на верность которого отец полагался.

На другое утро я хотел бежать, но был схвачен, еще не успев выбраться из дома. Опять засаженный в комнату, я ухитрился написать к Мери и сунуть мою записочку в добрую руку горничной, которая мне прислуживала. Напрасно все! Бдительность моего сторожа была неусыпна. Женщину заподозрили, последовали за ней и письмецо отняли. Отец разорвал его собственными руками. Позднее в этот день матушке было позволено видеться со мной.

Бедная душа совсем была неспособна заступиться за меня или чем-нибудь помочь моему положению. Отец буквально сразил ее, объявив, что жена и сын последуют за ним в Америку, когда он отправится туда обратно.

- Все, что он имеет на свете, до последнего фартинга, - говорила матушка, - должно пойти на эту ненавистную спекуляцию. Он занял денег в Лондоне, он сдал в аренду наше поместье какому-то богатому купцу на семь лет, он продал серебро и бриллианты, доставшиеся мне от его матери. Все поглощает земля в Америке. У нас нет более дома, Джордж, ничего нам не остается больше, как ехать с ним.

Часом позднее почтовая коляска стояла у наших дверей.

Сам отец повел меня к экипажу. Я вырвался от него с отчаянием, которому не могло помешать даже его упорство. Я бежал, я мчался по дорожке к коттеджу Дермоди. Дверь стояла открытой, гостиная была пуста. Я бросился в кухню, потом наверх. Везде пустота. Управляющий выехал, с ним уехали его мать и дочь. Ни друга, ни соседа не оказалось поблизости с поручением ко мне. Нигде не лежало письма в ожидании, что я приду за ним. Никакого даже намека мне не было оставлено на то, в какую сторону они направились. После оскорбительных слов своего господина, Дермоди, из гордости не хотел оставить за собой никаких следов, считая, что мой отец может подумать, что следы оставлены нарочно с целью соединить меня и Мери. Я не имел альбома, который говорил бы мне об утраченной милой, у меня был только один флаг, вышитый собственными ее руками. Мебель все еще стояла в коттедже. Я сел в нашем обычном уголке возле пустого стула Мери, взглянул опять на бесценный для меня зеленый флаг и горько зарыдал.

Я очнулся от легкого прикосновения. Отец смягчился настолько, что разрешил матери привести меня назад к дорожному экипажу.

– Мы не найдем здесь Мери, Джордж, – сказала она кротко. – А в Лондоне мы можем услышать что-нибудь о ней. Пойдем со мной.

Я встал и молча подал ей руку. Что-то на чистом, белом пороге двери бросилось мне в глаза, когда мы проходили. Я наклонился и увидел карандашом написанные слова. Вглядевшись пристальнее, я узнал почерк Мери. Неправильными, детскими буквами был начертан последний прощальный привет:

«Прости, дорогой. Не забудь Мери!»

Я упал на колени и поцеловал эти слова. Они утешили меня – точно последнее прикосновение руки моей Мери. Я спокойно пошел за матерью.

К ночи мы прибыли в Лондон.

Моя добрая мать сделала все, что самое нежное сострадание могло сделать (в ее положении), чтобы утешить меня. Она втайне написала к поверенным ее семейства, приложив описание Дермоди, его матери и дочери и прося навести справки в разных лондонских конторах дилижансов. Она также поручала

поверенным обратиться к двум родственникам Дермоди, жившим в городе, которые могли знать, что он предпринял после того, как оставил моего отца. Исполнив это, она сделала все, что было в ее силах. Ни она, ни я не имели достаточно денег для объявления в газетах.

Спустя неделю мы отправились в Соединенные Штаты. Дважды в этот промежуток я виделся с поверенными и дважды получил от них ответ, что все справки не привели ни к чему.

На этом оканчивается первая часть истории моей любви.

Затем целых долгих десять лет я не виделся с моей маленькой Мери. Я даже не слышал, дожила ли она до того времени, чтобы стать взрослой женщиной, или – нет. У меня хранился еще зеленый флаг с вышитым голубком. Но вообще волны забвения сомкнулись над детскими золотыми днями на берегах озера Зеленых Вод.

Глава 5. Моя история

Вы меня видели в последний раз тринадцатилетним мальчиком. Теперь вы видите меня молодым человеком двадцати трех лет.

Историю моей жизни в промежуток между этими двумя возрастами я и собираюсь рассказать.

Сперва поведу речь об отце. Его ожидал именно такой конец, какой предвещала ему бабушка Дермоди. Мы года не прожили в Америке, когда спекуляция с землей скандально рухнула и повлекла за собой его смерть. Нас постигло полное разорение. Не будь у моей матери маленького собственного дохода (закрепленного за ней брачным контрактом), мы остались бы без всяких средств, брошенные на произвол судьбы.

Между сердечными и радушными жителями Соединенных Штатов мы нашли немало добрых друзей, с которыми искренно жалели расстаться. Но были причины, которые побуждали нас вернуться в Англию после смерти отца, – и мы

возвратились на родину.

Кроме деверя (уже упомянутого в этом рассказе), у моей матери был родственник – двоюродный брат, по имени Джермень, на помощь которого она главным образом рассчитывала, чтобы поставить меня на ноги, когда придет время выбирать мне карьеру. Я помню как семейное предание, что мистер Джермень просил руки моей матери, когда они оба были молоды, но получил отказ. Он так и остался холостяком. В позднейшие годы ему досталось прекрасное состояние после смерти бездетного старшего брата. Однако богатство ничего не изменило в его привычках. Когда мы с матерью вернулись в Англию, он жил одиноким стариком, удалившись от всех родственников. Мне стоило понравиться мистеру Джерменю, чтобы считать (в некоторой степени, по крайней мере) будущность свою обеспеченной.

Это было одно соображение, которое повлияло на наш отъезд из Америки. Но было и другое, собственно ко мне относящееся, которое влекло меня к уединенным берегам озера Зеленых Вод.

Моя единственная надежда напасть на след Мери заключалась в том, чтобы собрать сведения в коттеджах, расположенных поблизости от моего прежнего дома. Доброго управляющего сердечно любили и уважали в местах, ограниченных его сферой деятельности. Во всяком случае представлялось вполне вероятным, чтобы некоторые из суффолкских приятелей разыскали его в течение тех лет, которые мы провели в Америке. Когда мне снилась Мери, а снилась она мне постоянно, озеро и его лесистые берега составляли обычное окружение призрачному образу моей утраченной подруги. К берегам озера меня тянуло по естественному суеверию, как к пути, который приведет меня обратно к единственной жизни, где я найду счастье, – к жизни с Мери.

По прибытии в Лондон, я отправился в Суффолк один – по желанию моей матери. В ее года было вполне естественно уклоняться от посещения мест, где прежде она была хозяйкой, а теперь там поселились чужие люди.

О, как заняло у меня сердце (при всей моей молодости), когда я увидел опять зеленоватую воду знакомого озера! Был вечер. Первая бросилась мне в глаза ярко раскрашенная лодочка, прежде бывшая моей, в которой мы так часто катались с Мери. Люди, занимавшие наш дом, катались по озеру. Их веселый смех громко доносился до меня по водной глади. Их флаг развевался наверху маленькой мачты, где флаг моей Мери никогда не развевало легким ветерком. Я

отвел глаза от лодочки – мне было больно глядеть на нее. Несколько шагов вперед привели меня на мыс, откуда открывались темные своды Приманки на противоположном берегу. Вот низенький частокол, за которым мы, бывало, припадали на колени, чтобы видеть, как заманивают уток. А вот еще сохранилось и то отверстие, в которое пролезал Трим, умная такса, чтобы возбудить глупое любопытство диких уток. Вот виднеется местами между деревьев извилистая тропинка в лесу, по которой мы с Мери шли к коттеджу Дермоди в тот день, когда безжалостная рука отца оторвала нас друг от друга. Как умно поступила матушка, что не захотела увидеть вновь дорогие сердцу знакомые места!

Я повернулся спиной к озеру, чтобы успокоиться в тенистом уединении леса.

Час ходьбы вокруг извилистого берега привел меня к коттеджу, который некогда был жилищем Мери.

Дверь отворила женщина мне незнакомая. Она пригласила меня в гостиную. Я довольно уже настрадался, поэтому приступил к расспросам, стоя на пороге. Они продлились недолго. Женщина оказалась не из нашей части Суффолка; ни она, ни муж не слышали даже имени Дермоди.

Я продолжал свои розыски между крестьян, переходя от одного коттеджа к другому. Смеркалось, взошел месяц, огни стали погасать за решетчатыми окнами, а я все не прекращал своего тяжелого странствования, и везде, куда бы ни пошел, получал один и тот же ответ на мои вопросы. Никто ничего не знал о Дермоди, все спрашивали меня, не сообщу ли я о нем известий. Даже теперь не могу вспомнить без душевной боли, до какой степени страшно безуспешны были все мои усилия в тот бедственный вечер. Я переночевал в одном из коттеджей и возвратился в Лондон на следующий день, убитый потерянной надеждой, равнодушный уже ко всему, что бы ни делать или куда бы ни ехать.

Однако мы не совсем расстались с Мери. Я видел ее во сне, как предсказывала бабушка Дермоди.

Она снилась мне иногда с зеленым флагом в руке, в это время повторяющей последние свои слова на прощанье: «Не забывай Мери». Иногда она вела меня в наш знакомый уголок в чистой комнате коттеджа и развертывала лист бумаги, на котором ее бабушка написала для нас молитвы, мы опять молились вместе и

гимны пели вместе, как будто вернулось старое доброе время. Раз она явилась мне со слезами на глазах и сказала: «Мы должны ждать, мой дорогой, наше время еще не пришло». Два раза она приснилась мне охваченная мучительными мыслями, и дважды я слышал, как она говорила мне: «Живи с терпением, живи невинно, Джордж, ради меня».

Мы поселились в Лондоне, где за мое образование взялся приглашенный наставник. Недолго прожили мы в этом новом доме, когда в нашей жизни случилась неожиданная перемена. К изумлению моей матери, ей было сделано предложение (письменно) мистером Джерменем.

«Умоляю вас не пугаться моего предложения (писал старик). Едва ли вы могли забыть, что я вас любил в то время, когда мы оба были молоды и оба бедны. Возврат к чувствам, связанным с теми годами, теперь невозможен. В мои года я только могу просить вас быть подругой последних лет моей жизни и уделить мне отчасти отцовское право способствовать будущему благосостоянию вашего сына. Подумайте об этом, моя дорогая, и ответьте мне, согласны ли занять пустое кресло у камина одинокого старика».

Моя мать (почти так же сконфузившись, бедняжка, как будто снова стала молодой девушкой) взвалила на плечи сына всю ответственность относительно принятия решения. А я недолго ломал голову. Выразив согласие, она принимала руку человека достойного и честного, который был ей предан всю свою жизнь! Она опять будет пользоваться благами жизни, роскошью, общественным положением и покоем, которых лишилась из-за беспечности моего отца. Прибавьте к этому, что я любил мистера Джерменя, и он любил меня. При всех этих условиях, зачем бы моей матери отказывать? Она не могла дать мне удовлетворительного ответа, когда я задал ей такой вопрос. Естественным последствием этого события было то, что в надлежащий срок она стала мистрис Джермень. Прибавлю только, что до конца своей жизни моя добрая мать не имела повода раскаиваться в том, что приняла (в этом случае, по крайней мере) совет своего сына.

Годы проходили, а мы все с Мери оставались в разлуке – виделись только во сне. Годы проходили, и настало для меня опасное время, которое наступает в жизни каждого. Я достиг возраста, когда самая сильная из страстей овладевает

чувствами и устанавливает свое господство как над духом, так и над телом.

До сих пор я пассивно выносил крушение моих первых и самых дорогих надежд, я жил с терпением, жил невинно, ради Мери. Теперь терпение оставило меня, невинность отошла в разряд того, что утрачено в прошлом. Мои дни, правда, еще посвящались занятиям по назначению наставника. Зато ночью я втайне предавался безграничному распутству, на которое (при моем теперешнем образе мыслей) я оглядываюсь с отвращением и ужасом. Воспоминание о Мери я осквернил в обществе женщин, впавших в самую глубокую степень разврата. Я говорил себе нечестиво:

«Достаточно времени я жаждал увидеть ее, достаточно долго я прождал ее, мне осталось теперь одно – пользоваться молодостью и забыть ее».

С той минуты, когда я впал в это состояние, Мери приходила мне иногда на память с чувством сожаления, особенно утром, когда преимущественно трезвые мысли вызывают раскаяние, но уже во сне она не являлась более. Теперь настала разлука в самом полном значении этого слова. Чистый дух Мери не мог сообщаться с моим – чистый дух Мери улетел от меня.

Излишне говорить, что мне не удалось скрыть от матери свое распутство. Ее горе произвело на меня первое отрезвляющее действие. Я обуздал себя в некоторой степени, сделал усилие, чтобы вернуться к образу жизни более достойному.

Хотя я обманул надежды мистера Джермена, он был человек настолько справедливый, что не отказался от меня, как от пропащего. Он посоветовал мне, чтобы окончательно перебороть себя, избрать профессию и заниматься настойчивее, чем я вообще занимался до тех пор.

Я помирился с этим добрым другом и вторым отцом, не только последовав его совету, но еще избрав профессию, которой он сам жил, пока не получил состояния, – профессию врача. Мистер Джермень был доктором, и я принял решение быть тем же.

Вступив ранее обыкновенного на эту новую стезю, я должен отдать себе справедливость, что работал усиленно. Я приобрел и сохранил расположение своих профессоров. Но, с другой стороны, нельзя было отвергать, что мое

исправление, в нравственном плане, было далеко не полным. Я трудился, но делал все эгоистично, с горечью и ожесточением в сердце. Относительно религии и правил нравственности я усвоил себе взгляды товарища – материалиста, человека истасканного и вдвое меня старше. Я ничему не верил, кроме того, что мог видеть, пробовать или осязать. Я утратил всякую веру в человека. За исключением моей матери, я не уважал ни одной женщины. Мои воспоминания о Мери становились все слабее, пока не приняли характер почти утраченного звена в цепи прошедшего. Я все еще хранил зеленый флаг, но скорее по привычке и не носил его больше при себе – он лежал забытый в ящике моей конторки. По временам у меня шевельнется в глубине души благотворное сомнение, не веду ли я образ жизни совершенно недостойный. Но это сомнение недолго присутствовало в моих мыслях. Презирая других, я должен был, по законам логики, доводить мои заключения до горького конца и сообразно тому презирать себя самого.

Настал срок моего совершеннолетия. Мне минул двадцать один год, а мечты молодости уже исчезли для меня бесследно.

Ни мать, ни отчим не могли пожаловаться на мое поведение в чем-либо существенном. Однако оба были сильно озабочены насчет меня. Тщательно обдумав все, мой отчим пришел к одному выводу. Он решил, что единственное средство вернуть меня к лучшим и более чистым убеждениям было попробовать животворное действие жизни среди новых людей и новой обстановки.

В период, к которому относится мой настоящий рассказ, английское правительство решило отправить посольство с особой дипломатической миссией к туземному правителю отдаленной провинции в Индии. При беспокойном состоянии края в то время, посольство, по прибытии в Индию, должно было сопровождаться военным конвоем. Доктор при посольстве был старый друг мистера Джермена и нуждался в помощнике, на профессиональное мастерство которого он мог полагаться вполне. Благодаря ходатайству моего отчима, это место предложили мне. Я принял его не колеблясь. Единственная гордость, которую я сохранил, была жалкая гордость равнодушия. Мне было абсолютно безразлично, куда бы ни назначили исполнять свои обязанности.

Долго мы не могли убедить мою мать даже выслушать, что имелось для меня в виду. Когда же она дала, наконец, свое согласие, то очень неохотно. Сознаюсь, я простился с ней со слезами на глазах – первые слезы, пролитые мной после долгих лет.

История нашей экспедиции относится к истории английских владений в Индии, ей не место в нашем рассказе.

Говоря лично обо мне, я должен сообщить, что стал неспособным исполнять свои обязанности спустя неделю после того, как посольство достигло место назначения. Мы стояли лагерем за чертой города. Воспользовавшись темнотой, на нас совершили нападение туземные изуверы. Их отбросили без большого труда и с ничтожными потерями с нашей стороны. Я был в числе раненых. В меня попал дротик или копье, когда я переходил из одной палатки в другую.

Нанесенная европейским оружием, моя рана не имела бы серьезных последствий. Но кончик в индийском копье был отравлен. Я избегнул смертельной опасности столбняка, но по какой-то особенности в свойстве яда или его действию на мой организм (вопрос и теперь для меня неясный) моя рана никак не хотела заживать.

Я был уволен по болезни и отправлен в Калькутту, где мог воспользоваться советами лучших врачей. В Калькутте рана зажила, по-видимому, потом опять открылась. Это повторялось два раза, доктора пришли к заключению, что лучше всего отправить меня обратно в Англию. Они рассчитывали на живительное действие путешествия морем, а в случае, если бы это не принесло желаемого результата, на благотворное влияние родного воздуха.

В климате Индии я был объявлен неизлечимым.

За два дня до отплытия корабля, я получил письмо от матери с ошеломляющими известиями. Моя жизнь, если мне предстояло жить, – обращалась на новую колею. Мистер Джермень скоропостижно скончался от разрыва сердца. В его завещании, написанном в то время, когда я уехал из Англии, моей матери был отказан пожизненный доход, а мне все его состояние целиком, с одним условием, чтобы я принял его фамилию. Разумеется, я согласился на это условие и стал Джорджем Джерменем.

Через три месяца мы с матерью встретились вновь.

Кроме того, что мне приходилось еще возиться с моей раной, свет видел во мне теперь наиболее достойного зависти, из смертных, богатого владельца домом в

Лондоне и поместьем в Пертшире, однако тем не менее я в двадцать три года был несчастнейшим человеком в мире.

А Мери?

Что стало с ней за эти десять лет, что стало с Мери?

Вы услышали мою историю. Прочтите следующие страницы, и вы узнаете, что было с ней.

Глава 6. Ее история

То, что я расскажу вам теперь о Мери, дошло до моего сведения многими годами позднее какого-либо времени, о котором я до сих пор вел речь. Прошу запомнить это.

Управляющий Дермоди имел родственников в Лондоне, о которых иногда упоминал, и в Шотландии у него была родня, но о ней он не упоминал вовсе. Мой отец питал сильное предубеждение против шотландцев. Дермоди хорошо знал своего господина и понимал, что предубеждение распространится даже на него, если он заговорит о своих шотландских родственниках. Он был человек осторожный и никогда не упоминал о них.

Оставив службу у моего отца, он поехал в Глазго частью по суше, частью по морю; в Глазго жила его родня. С высокими душевными качествами и опытностью Дермоди, он был неоценимой находкой для каждого хозяина, кому бы посчастливилось выйти на него. Его друзья не оставались в бездействии. Не прошло шести недель, как он уже управлял имением на восточном берегу Шотландии и удобно устроился с матерью и дочерью в своем новом жилище. Оскорбление, нанесенное ему моим отцом, глубоко запало в душу Дермоди. Он втайне написал к своим родственникам в Лондоне, что нашел себе хорошее место, но по некоторым причинам не желает на первое время давать им своего адреса.

Таким-то образом он положил преграду розыскам поверенных моей матери, которые (не находя нигде его следов по другим направлениям) обратились с запросом к его лондонским друзьям. Задетый за живое упреками бывшего господина, Дермоди пожертвовал своей дочерью и пожертвовал мной – отчасти чувству уважения к самому себе, отчасти убеждению, что сословное расстояние между нами ставит ему в обязанность прервать всякое дальнейшее общение прежде, чем будет уже поздно принимать меры.

Живя в уединении отдаленной части Шотландии, это маленькое семейство оставалось скрыто от меня, скрыто от света.

Я видел и слышал Мери в моих снах. Во сне же и Мери видела и слышала меня. Невинные стремления и желания, которыми сердце мое переполнялось, когда я был еще мальчиком, ей передавало таинство сонных грез. Ее бабушка, твердо веруя в predetermined союз между нами, поддерживала в девочке бодрость духа и вселяла отраду в ее сердце. Она могла слушать отца, который говорил (как говорил и мой отец), что мы разлучены навек, и мечтать про себя в блаженных снах, которые говорили ей о существовании другой будущности. Итак, она жила со мною духом – и жила надеждой.

Первое горе, постигшее маленькое семейство, была смерть бабушки, которая умерла от слабости в глубокой старости. В последние минуты сознания она сказала Мери:

– Никогда не забывай, что вы с Джорджем духи, посвященные друг другу. Жди с полным убеждением, что никакая человеческая власть не может помешать вашему союзу в дальнейшем.

Пока эти слова еще живо хранились в душе Мери, наши свидания в сонных грезах внезапно были прерваны с ее стороны так точно, как и с моей. С первых дней моего самоунижения я перестал видеть Мери. Как раз в то же время Мери перестала видеть меня.

Впечатлительная натура девочки изнемогла под этим ударом. Теперь не было при ней женщины постарше, чтобы утешать ее и советовать ей, она жила одна с отцом, который всегда прерывал разговор, если она заводила речь о старом времени. Тайное горе, которое равно гнетет и тело, и душу, легло на нее тяжелым гнетом. Простуда в холодное время года перешла в горячку. Много

недель жизнь ее находилась в опасности. Когда же она стала поправляться, то, по предписанию доктора, уже лишилась своих роскошных волос. Эта жертва была необходима, чтобы спасти ей жизнь. В одном отношении жертва оказалось жестокой – ее волосы уже более не были так густы, как прежде. Когда они отросли опять, то совершенно утратили прелестные отливы от красноватого цвета к темному; теперь они были однообразной светло-каштановой окраски. С первого взгляда шотландские знакомые Мери почти не могли узнать ее.

Но природа вознаградила девушку за утрату волос тем, что выиграла лицо и фигура.

В год после ее болезни слабенький ребенок прежних дней на берегах озера Зеленых Вод под влиянием укрепляющего воздуха Шотландии и при здоровом образе жизни превратился в красивую молодую девушку. Ее черты, как и в детстве, не отличались правильными формами, но тем не менее перемена в ней была поразительная. Худенькое личико пополнело, бледный цвет сменился румянцем. Что же касалось фигуры, то ее изящество вызвало удивление даже окружавших ее простых людей. Ничего не обещая с детства, фигура ее теперь приняла женственную полноту, стройность и грацию – она была, в строгом смысле слова, поразительно красиво сложена.

Случалось в этот период ее жизни, что сам отец не узнавал своей дочери и нравственно, и физически. Она утратила живость детства – свою тихую, ровную веселость. Молча и погруженная в себя, она терпеливо исполняла свои ежедневные обязанности. Надежда встретиться со мной опять в то время уже казалась безнадежной, горе от этого глубоко запало ей в сердце. Она не жаловалась. Физические силы, приобретенные ей в последние годы, имели соответственное влияние на твердость духа. Когда отец раз или два попробовал спросить ее, думает ли она еще обо мне, она ответила ему спокойно, что убедилась в справедливости его взгляда на этот вопрос. Она не сомневалась, что я давным-давно перестал о ней думать. Даже останься я верен, она теперь уже была в таких летах, чтобы понимать, как невозможен наш союз посредством брака при различии в общественном положении. Лучше всего (думала она) не вспоминать более о прошлом – лучше ей забыть меня, как я забыл ее. Так говорила она теперь. Так, по-видимому, не осуществилось предсказание бабушки Дермоди о нашей судьбе, и несмотря на твердую ее уверенность, предсказание это вошло в разряд тех, которые не сбываются.

Следующее замечательное событие в семейной хронике после болезни Мери совершилось, когда ей минуло девятнадцать лет. Даже теперь, приступая к критическому периоду моего рассказа, до которого дошел, я духом робею и твердость изменяет мне, хотя миновало тому уже сколько лет.

Необычно сильная буря разразилась у восточных берегов Шотландии. В числе кораблей, потерпевших крушение, находилось голландское судно, которое разбилось о скалистый берег невдалеке от места жительства Дермоди. Подавая пример во всех добрых начинаниях, управляющий стал во главе тех, которые бросились спасать пассажиров и экипаж погибшего корабля. Он уже вынес на берег одного утопающего и поплыл обратно к судну, когда два громадных вала, быстро нахлынув один за другим, отбросили его назад и ударили о прибрежный утес. Соседи спасли его с опасностью для жизни. После осмотра врача стало ясно, что у него оказался перелом конечности, кроме того, сильные ушибы и разрывы наружных покровов. Все это было излечимо. Но по прошествии некоторого времени обнаружили у пациента признаки опасного внутреннего повреждения. По мнению доктора, он не мог уже более вернуться к своему прежнему деятельному образу жизни. Он оставался человеком больным, – калекой до конца своих дней.

При этих грустных обстоятельствах хозяин Дермоди делал все, что можно было потребовать от него. Он нанял ему помощника для надзора за полевыми работами и позволил Дермоди оставаться в занимаемом им коттедже еще на три месяца. Это снисхождение дало бедняку время набраться сил, насколько он мог их иметь еще, и посоветоваться со своими друзьями в Глазго насчет трудного вопроса о предстоящей ему будущности.

Вопрос был нешуточный. Дермоди оказался совершенно неспособным для какой-либо сидячей работы, а небольшие накопленные им деньги не составляли достаточного обеспечения для него и дочери. Его шотландские друзья были готовы помочь ему со всем участием, но сами они были обременены семействами, а лишних денег не имелось ни у кого.

В этом затруднительном положении пассажир с разбитого судна (тот самый, жизнь которого была спасена управляющим) явился с предложением совершенно неожиданным как для дочери, так и для отца. Он просил руки Мери и настаивал (если она согласится выйти за него), чтобы отец жил у нее в доме до самой смерти.

Человек, обратившийся таким образом к семейству Дермоди в минуту постигшего их несчастья, был голландец по имени Эрнест Ван-Брандт. Он владел участком для рыбной ловли на берегах Зейдерзе (Эйселмер), и цель его приезда была завязать сношения с рыбными артелями на севере Шотландии. Мери произвела на него сильное впечатление с первой встречи. Он промедлил с отъездом и жил в окрестностях, побуждаемый надеждой снискать ее благосклонное внимание. Он был человек красивый, в расцвете жизни и имел достаточно средств, чтобы жениться. Сделав предложение, он указал на лица с высоким положением в Голландии, которые могли ручаться за его поведение и общественное положение.

Мери долго думала, как ей лучше поступить в интересах беспомощного отца и ее самой.

Надежда выйти за меня уже давно была утрачена Мери. Добровольно посвящать себя безотрадной жизни старой девы неестественно для женщины. Представляя себе будущее, Мери, разумеется, видела себя в качестве жены. Могла ли она по всей справедливости ожидать предложения привлекательнее того, которое теперь ей было сделано? Ван-Брандт имел все личные преимущества, какие женщина только может пожелать: он был страстно влюблен в нее и к отцу ее он испытывал чрезвычайную признательность, как к человеку, спасшему его жизнь. Не имея другой надежды в сердце, не имея другой будущности впереди, – она ничего не могла сделать лучше, как выйти за Ван-Брандта.

После всех этих раздумий она решилась произнести роковое слово. Она дала согласие.

Вместе с тем, однако, она призналась Ван-Брандту откровенно и без малейшей утайки, что в мыслях имела другую будущность, чем та, которая теперь предстояла ей. Она не скрывает, что в ее сердце схоронена старая любовь и что полюбить вновь зависело не от нее. Уважение, признательность и преданность она могла предложить со всей честностью, а со временем, может быть, придет и любовь. Впрочем, она давно уже отрешилась от этого прошлого и окончательно отказалась от всякой надежды, всяких желаний, относящихся к нему. Спокойствие для отца и тихое счастье для нее самой составляли все благо, которого она спрашивала теперь у судьбы. И то, и другое она могла найти под кровлей благородного человека, который любил и уважал ее. Со своей стороны, она давала слово быть ему верной и доброй женой, если большего не могла обещать. Она предоставляла Ван-Брандту решить, может ли он быть счастливым,

женясь на ней при этих условиях.

Он принял их без минуты колебания.

Свадьба состоялась бы немедленно, если бы в здоровье Дермоди не произошла перемена к худшему, которая вызвала сильные опасения. Появились симптомы, которых доктор, как он откровенно сознался, не ожидал, определяя свое мнение о состоянии пациента. Он предупредил Мери, что конец может быть близок. Ван-Брандт на свой счет вызвал доктора из Эдинбурга. Столичный медик подтвердил мнение своего провинциального собрата. Добрый управляющий прожил еще немного дней. В последнее утро он соединил руку дочери с рукой Ван-Брандта.

– Составьте ее счастье, сэр, – сказал он со свойственной ему простотой, – и вы сквитаетесь со мной за спасение вашей жизни.

В тот же день он тихо умер на руках дочери.

Участь Мери теперь вполне была во власти ее жениха. Родственники, жившие в Глазго, имели собственных дочерей на руках. Родственники лондонские сердились на Дермоди за то, что он отстранился от них. Уважая ее горе, Ван-Брандт деликатно выждал, чтобы первые порывы его несколько стихли, а потом обратился с мольбой дать ему право мужа утешать ее.

Время их брака в Шотландии было то самое, когда я возвращался из Индии. Мери достигла тогда двадцатилетнего возраста.

История нашей десятилетней разлуки теперь окончена. Рассказ останавливается на том, когда и я, и она начали новый образ жизни.

Я живу с матерью, начиная свое поприще помещика в Пертшире, получив в наследство имение отчима. Мери живет с мужем, пользуясь своими новыми преимуществами, ознакомливаясь с новыми обязанностями жены. Она также находится в Шотландии, – находится, по роковому предопределению, недалеко от моего поместья. Я не подозреваю, что она так близко от меня, имя госпожи Ван-Брандт (даже если бы я слышал его) не вызывает во мне никаких знакомых воспоминаний. Родственные духи все еще остаются в разлуке. Все еще не было мысли ни с ее, ни с моей стороны, чтобы мы когда-либо сошлись опять.

Глава 7. Женщина на мосту

Матушка заглянула в дверь библиотеки и отвлекла меня от моих книг.

– Я повесила небольшую картину в моей комнате, – сказала она. – Пойдем наверх, мой друг, и скажи мне свое мнение о ней.

Я встал и последовал за ней. Она указала мне на миниатюрный портрет, повешенный над камином.

– Узнаешь ли ты, кто это? – спросила она полугрустно, полушутливо. – Джордж! Неужели ты не узнаешь себя мальчиком тринадцати лет?

Как мне было узнать? Изнуренный болезнью и горем, смуглый от загара за время продолжительного плавания домой, с поредевшими на маковке волосами, с привычным уже грустным и томным взглядом, что имел я общего с белокурым, полным мальчиком, голова которого вся была в завитках и бойкие, веселые глаза глядели на меня с миниатюры? Однако взгляд на этот портрет произвел на меня самое удивительное действие. Он повеял на меня непреодолимой грустью, он наполнил меня чувством отчаяния, до того ужасного, что мне стало невыносимо тяжело. Извинившись перед матерью, как умел, я поспешил выйти из комнаты. Минутой позже я уже вышел из дома.

Я прошел парк и оставил за спиной собственные владения. Шагая проселком, я вскоре достиг берега нашей реки – такой красивой и, кроме того, вместе славящейся между удильщиками форели по всей Шотландии. Пора рыбной ловли еще не настала. Ни души не было видно вокруг, когда я сел на берегу. Старый каменный мост через реку находился в ста ярдах от меня, заходящее солнце еще окрашивало своим красноватым меркнувшим светом быстрые струи, уходившие под арки.

Меня все преследовало лицо мальчика в миниатюрном портрете. Портрет все как будто упрекал меня, говоря на своем беспощадном языке: «Посмотри, каким ты был прежде, – подумай, кто ты теперь!»

Я прилег лицом в мягкую, душистую траву. Я вспоминал прошедшие десять лет моей жизни между тринадцатилетним возрастом и настоящим.

Чем это кончится? Какая будущность ожидает меня, если я проживу обычный человеческий век?

Любовь? Женитьба? Я расхохотался при одной этой мысли. После невинно счастливых дней моего детства любовь мне была так же чужда, как насекомому, которое ползло теперь по моей руке, лежавшей в траве. Разумеется, за мои деньги я куплю жену, но будет ли она дорога мне за мои деньги – дорога, как была некогда Мери в то золотое время, когда был написан мой портрет?

Мери! Жива ли она? Замужем ли? Узнал бы я ее, если бы встретил?

Нелепость! Я не видал ее с десятилетнего возраста. Теперь она женщина, а я мужчина.

Узнает ли она меня, если бы мы встретились. Портрет, неотступно преследовавший меня, ответил на вопрос: «Посмотри, кем ты был прежде, – подумай, кто ты теперь».

Я встал и ходил взад и вперед, стараясь придать своим мыслям другое направление.

Невозможно? После многих лет разлуки Мери снова овладела моей душой. Я опять сел на берег. Солнце быстро уходило за небосклон. Мрачные тени носились под арками старого каменного моста. Исчез красноватый отблеск на быстрых волнах; они приняли однообразный свинцовый цвет. Первые звезды мирно глядели с безоблачного неба. Первые порывы ночного ветерка зашелестели листвой деревьев, зарябили там и сям мелкие места реки. Однако, чем темнее становилось, тем упорнее мой портрет увлекал меня к прошлому, – тем живее давно забытый образ Мери, еще ребенком, представлялся моему мысленному взору.

Предвещало ли это, что она вернется ко мне во сне – зрелой женщиной в первой поре молодости?

Это возможно.

Теперь я уже не был так недостоин ее, как прежде.

Действие, произведенное на меня видом моего портрета, было последствием перемены к лучшему во мне, которая постепенно шла своим ходом с того времени, когда рана свалила меня беспомощным на госпитальную койку среди чужих в чужом краю. Болезнь, бывшая наставницей и другом многих, стала и моей наставницей, и моим другом. Я оглянулся с отвращением на пороки моей юности, на последующие за ним бесплодные дни, когда безбожно отвергал все, что возвышенно, что наиболее утешает в человеческой жизни. Освященный горем, очищенный раскаянием, разве я тщетно надеялся, что ее дух и мой могут соединиться вновь? Кто мог сказать это?

Я опять встал. К чему теперь оставаться до ночи на берегу реки? Вышел я из дома, побуждаемый взволнованным состоянием духа, который ищет убежища в движении и перемене мест. Средство не сработало: я был странно смущен, сильнее прежнего. Лучше пойти домой и составить партию моей доброй матери в ее любимый пикет[3 - Пикет – старинная игра в карты.].

Я повернул к дороге, чтобы идти назад, – и остановился, пораженный мирной красотой последнего отблеска заката, сиявшего из-за черной черты, образованной перилами на мосту.

Величественно спускались на землю ночные тени, один среди глубокого затишья умирающего дня я следил взором за меркнувшими лучами.

Вдруг в окружавшей меня картине произошла перемена. Живое существо тихо вступило на мост. Оно скользило за черной линией перил в последних длинных лучах закатившегося солнца. Оно прошло мост. Потом остановилось, оно повернуло назад и дошло опять до середины моста. Тут оно стало неподвижно. Проходила минута за минутой... Фигура все стояла неподвижным черным предметом за черными перилами моста.

Я пошел вперед и приблизился настолько, чтобы лучше рассмотреть одежду загадочной фигуры. По платью я понял, что одинокое существо – женщина.

Она не замечала меня, я был в тени, бросаемой деревьями на берега. Она стояла, скрестив руки под мантильей и глядя на реку, становившуюся все темнее.

Зачем она стояла там в поздний вечер и одна?

Едва я задался этим вопросом, как увидел, что ее голова шевельнулась. Она поглядела сперва в одну сторону, потом в другую сторону моста. Разве она ждала кого-нибудь? Или она опасалась слезки и хотела удостовериться, что действительно одна?

Мгновенное подозрение о цели ее прихода в это уединенное место, внезапное недоверие к пустынному мосту и быстрой реке, заставили мое сердце забиться усиленно и тотчас побудили меня к действию. Я торопливо взошел на подъем, который вел от берега к мосту, с твердым намерением заговорить с ней, пока было еще не поздно.

Она не видела и не слышала меня, пока я не подошел совсем близко. Неодолимое смятение овладело мной, я не знал, как она примет то, что я заговариваю с ней. Однако, едва она повернулась ко мне, как я тотчас успокоился. Точь-в-точь будто ожидая увидеть незнакомку, я неожиданно сошелся с другом.

А между тем она была мне незнакома. Никогда я не видывал этого грустного и благородного лица, этого величественного стана, которого изящную грацию и стройность не могла скрывать вполне даже длинная мантилья. Нельзя бы назвать ее красавицей. В ней были недостатки настолько заметные, что бросались в глаза даже в вечернем полусвете. Ее волосы, например, видневшиеся из-под большой садовой шляпы, казались не длиннее мужских, и цвет их был тот тусклый каштановый цвет, который часто встречается у простолюдинок в Англии. Однако, наперекор всему в выражении ее лица была затаенная прелесть, в ее обращении – естественное обаяние, которое мгновенно привлекло мое сочувствие и возбудило мой восторг. Я пленился ею с первого взгляда.

– Позвольте узнать, не сбились ли вы с дороги? – спросил я.

Она устремила мне в лицо странный пытливый взор. По-видимому, ее не изумляло и не смущало, что я осмелился заговорить с ней.

- Эта местность мне хорошо знакома, - продолжал я. - Не могу ли предложить вам свои услуги?

Она все всматривалась в меня упорным, пытливым взглядом. На мгновение, хотя я был чужой для нее, мое лицо привело ее в недоумение, словно она видела его прежде и забыла. Если действительно подобная мысль мелькнула в ее уме, она тотчас отбросила ее, слегка тряхнув головой, и стала смотреть на реку, не интересуясь мной больше.

- Благодарю. Я не сбилась с дороги. Я привыкла ходить одна. Доброго вечера.

Она говорила холодно, но учтиво. Ее голос был пленителен, ее поклон, когда она уходила от меня - совершенство непринужденной грации. Она сошла с моста в ту сторону, откуда я видел, что она пришла, и медленно удалилась по направлению темной колеи большой дороги.

Однако я не успокоился. Под прелестным выражением лица и обворожительными телодвижениями скрывалось что-то недоброе, как подсказывало мне безотчетное чувство. Идя к противоположному концу моста, я вдруг начал сомневаться, правду ли она говорила. Не хотела ли она просто отвязаться от меня, когда пошла прочь от реки?

Я принял решение удостовериться, справедливо ли мое подозрение. Сойдя с моста, мне стоило только перейти дорогу в тень деревьев, растущих на берегу. Притаившись за первым стволом, достаточно толстым, чтобы скрывать меня, я мог видеть мост и верно рассчитывать, что подкараулю ее, если она вернется к реке, пока есть малейший свет, при котором можно различить ее. Нелегко было пробираться в темноте под деревьями, мне почти ощупью приходилось продвигаться вперед, пока я не достиг ближайшего дерева, подходящего для моей цели.

Я только что успел твердо стать на неровном грунте, заслонив себя стволом дерева, когда тишина сумерек внезапно была нарушена отдаленным звуком голоса.

Голос принадлежал женщине. Он не был громок, выражал мольбу, и слова произнесенные были:

- Спаситель, умиლოსердись надо мной!

Снова воцарилось молчание. Невыразимый страх овладел мной, и я взглянул на мост.

Она стояла уже на парапете. Я не успел двинуться, не успел вскрикнуть, даже дух перевести, как она бросилась в воду.

Течение было в мою сторону. Я видел, как она всплыла на поверхность и пронеслась мимо меня в светлой полосе посреди реки. Я бросился к берегу стремглав. Она снова пошла ко дну, пока я остановился на миг сбросить шляпу, сюртук и башмаки. Я был искусный пловец. Как только я очутился в воде, ко мне вернулось самообладание, - я почувствовал себя опять самим собой.

Стремнина вынесла меня на середину реки и очень способствовала скорости, с какой я плыл. Я был вплотную позади нее, когда она вторично поднялась вверх, словно тень, едва видная в воде за несколько дюймов от поверхности. Еще один взмах - и левой рукой я обхватил ее тело, я поднял ее голову из воды. Она лишилась чувств. Я мог держать ее так, чтобы успеть сохранять полную свободу действий. Таким образом, я имел возможность без торопливости или чрезмерных усилий выплыть с ней обратно на берег.

Первая попытка убедила меня, что неразумно было бы надеяться с моей тяжелой ношей осилить быстрое течение, которое шло от берегов к середине русла. Я попробовал плыть против стремнины с одной стороны, потом с другой - и отказался от этого. Мне оставалось одно - дать течению уносить нас. Ярдов на пятьдесят ниже река огибала мыс, на котором стоял трактир, постоянно посещаемый рыбаками в пору ловли форели. Приближаясь к этому месту, я сделал еще попытку (и снова тщетную) подплыть к берегу. Теперь вся надежда на спасение заключалась в том, чтобы меня услышали люди, находившиеся в трактире. Я крикнул изо всей силы, когда нас несло течением мимо него. На крик ответили. Человек отчалил от берега на лодке. Через пять минут незнакомка была в безопасности на берегу, я нес ее с человеком к прибрежному трактиру.

Трактирщица и ее служанка были одинаково усердны и одинаково несведущи в том, что следовало делать. К счастью, я имел надлежащие познания, чтобы наставлять их. Хороший огонь, теплые одеяла, кувшины с горячей водой были в моем распоряжении. Я сам показал женщинам, как приняться за дело возвращения к жизни. Они трудились упорно, и я трудился, однако, она все лежала без малейших признаков жизни в своей совершенной красоте тела – она все лежала, по всему видимо, безжизненной утопленницей.

Одна надежда оставалась – надежда оживить ее (если я успею применить аппарат так называемого «искусственного дыхания»). Я объяснял хозяйке, в чем нуждаюсь, когда почувствовал, что мне как-то трудно говорить. В это мгновение добрая женщина отскочила назад и, взглянув на меня, закричала в ужасе.

– Боже мой, сэ, у вас кровь течет! – кричала она. – Что с вами? Где вы ранены?

Едва она произнесла первые слова, как я уже понял, что случилось. Моя старая рана, полученная в Индии, вероятно, от чрезмерных усилий открылась вновь. Я боролся с внезапной слабостью, которая овладевала мной, я старался сказать окружающим меня людям, что надо сделать. Все напрасно. У меня подогнулись колени, моя голова упала на грудь женщины, лежавшей возле без чувств на низеньком диване. Смерть при жизни, которая захватывала ее, завладевала и мной. Не сознавая мира вокруг нас, мы лежали соединенные в обмороке, подобном смерти, и моя кровь струилась по ней.

Где были наши духи в эту минуту? Слились ли они и понимали друг друга? Соединенные духовной связью, скрытой от нас и не подозреваемой нами во плоти, разве мы двое, встретившись чужими на роковом мосту, теперь узнавали друг друга во сне? Кто любил и лишился предмета своей любви, кто знал одну отраду в жизни – веру в другие миры, чем наш подлунный мир, – может ли тот отвернуться с презрением от моего вопроса? Может ли тот честно сказать, что не задавал себе подобных же вопросов?

Глава 8. Родственные духи

Лучи утреннего солнца в окошечке с плохими занавесками, неуклюжая, деревянная кровать с витыми колонками до самого потолка, с одной стороны

кровати приятное лицо моей матери, с другой стороны пожилой господин, которого я не могу припомнить, – вот предметы и люди, представившиеся мне в первую минуту, когда я пришел в сознание и вернулся в тот свет, где мы живем.

– Посмотрите, доктор, посмотрите! Он пришел в чувство наконец!

– Откройте рот, сэра, и проглотите вот это.

Матушка радовалась за меня с одной стороны кровати, а неизвестный господин, которого называли «доктором», подносил ко рту ложечку виски с водой, стоя по другую сторону. Он называл это «жизненным эликсиром» и просил меня заметить (говоря с сильным шотландским акцентом), что пробовал его сам, в доказательство, что не шутит.

Возбуждающее средство произвело свое хорошее действие. Моей голове стало легче, мысли мои сразу прояснились. Я мог последовательно говорить с матерью, я смутно припоминал самые замечательные события предыдущего вечера. Еще минута или две, и образ, вокруг которого группировались все эти события, мгновенно ожил в моих воспоминаниях. Я хотел приподняться с постели и вскричал нетерпеливо:

– Где она?

Доктор поднес мне опять ложечку жизненного эликсира и важно повторил свои первые слова, обращенные ко мне:

– Откройте рот, сэра, и проглотите вот это.

Я настаивал на своем и повторил вопрос:

– Где она?

Доктор настаивал на своем предписании:

– Глотните вот это.

Где мне было протестовать при моей слабости – я повиновался. Врач кивнул головой моей матери значительно и сказал:

– Теперь он поправится.

Матушка сжалась надо мною, она успокоила меня следующими простыми словами:

– Дама совсем пришла в себя, Джордж, благодаря доктору.

Я посмотрел на моего собрата по профессии с новым любопытством. Он оказывался законным источником сведений, и я умирал от нетерпения, чтобы мне влили их в душу.

– Как вы оживили ее? – спросил я. – Где она теперь? Доктор поднял руку в предостережение.

– Мы поправимся, сэр, если будем действовать методично, – начал он тоном чрезвычайно уверенным. – Поймите, что открывать рот вы можете только, чтобы глотнуть этого, но никак не говорить. Я расскажу вам в надлежащее время, и добрая ваша матушка расскажет вам все, что вам требуется знать. Я был первым на месте события, если можно так выразиться, и потому в порядке вещей, чтобы я говорил первый. Позвольте приготовить еще немного жизненного эликсира – и тогда, как говорит поэт, я приступлю к рассказу моему, простому и без прикрас.

Так говорил он, произнося с сильным шотландским акцентом на самом правильном английском языке, какой мне доводилось слышать. Это был высокий, широкий в плечах, с волевым лицом человек, очевидно, спорить с ним было напрасно. Я обратился к дорогому лицу матери для ободрения и предоставил доктору поступать по-своему.

– Мое имя Мек-Глю, – продолжал тот. – Я имел честь засвидетельствовать вам почтение в вашем доме, когда вы поселились в здешних краях. Вы еще не припоминаете меня. Это естественно при ненормальном состоянии ваших мыслей от большой потери крови, как вы (будучи медиком) понимаете сами.

Тут терпение изменило мне.

– Бросьте говорить обо мне, – перебил я. – Говорите про даму.

– Вы раскрыли рот, сэр? – строго заметил Мек-Глю. – Вам известно наказание – глотните вот этого. Я вам сказал, что мы должны действовать методично, – продолжал он после того, как подверг меня наложенному штрафу. – Все будет на своем месте, мистер Джермень, все на своем месте. Я говорил о вашем физическом состоянии. Итак, сэр, в каком физическом состоянии застал я вас? На ваше счастье, я возвращался вчера домой нижней дорогой (она идет по берегу реки), приближаясь к этому трактиру (называют его здесь гостиницей, а между тем это просто трактир), я услышал визг трактирщицы за полмили. Добрая женщина, извольте видеть, в обыкновенной обстановке, но жалкое существо, когда случится что-нибудь особенное. Будьте покойны, я расскажу обо всем в свое время. Хорошо, я заворачиваю посмотреть, не относится ли визг к чему-нибудь, где нужна медицинская помощь, и что же? – Я нахожу Вас и незнакомую даму в положении, про которое справедливо можно отозваться, что оно требовало исправления по части приличия. Тс! Тс! Я говорю в шутку – вы были оба в обмороке. Выслушав сообщение хозяйки и, по мере сил и разума, отделив историю от истерики во время рассказа женщины, я должен был сделать выбор из двух законов. Закон вежливости, извольте видеть, указывал мне на даму, как за первого пациента, которому я должен был оказывать медицинскую помощь, а между тем закон человеколюбия (ввиду того, что вы истекали кровью) указывал мне на вас еще повелительнее. Я уже не молодой человек – даме пришлось подождать. Честное слово! Нелегко было справиться с Вами, мистер Джермень, и благополучно перенести Вас сюда наверх, чтоб Вы не оставались на виду у всех. С Вашей старой раной шутить нельзя, сэр. Советую Вам остеречься, чтобы она не открылась вновь. Когда Вы теперь пойдете вечером гулять и увидите даму в реке – Вы хорошо сделаете ради собственного здоровья, если оставите ее там. Что я вижу? Вы раскрываете рот! Разве опять хотите глотнуть эликсира?

– Он хочет услышать про даму, – вступилась матушка, перетолковывая мое желание.

– Про даму! – повторил Мек-Глю с видом человека, который не находит большой привлекательности в предлагаемом предмете. – Нечего много и говорить-то про нее, насколько мне известно. Красивая женщина, бесспорно.

Если бы можно было снять мягкие ткани с костей, славный оказался бы под ними скелет. Заметьте! Не может быть хорошо сложенной женщины без красивой

костной основы. Я не имею высокого мнения об этой даме, в нравственном отношении, разумеется. Если позволите мне выразиться таким образом в вашем присутствии, сударыня, за ее трагической выходкой на мосту скрывается мужчина. Однако, не будучи этим мужчиной сам, я не имею ничего общего с ней. Мое дело состояло только в том, чтобы снова запустить в ход жизненный механизм. Одному Богу известно, каких хлопот она мне наделала. С ней мне было еще труднее справиться, чем с Вами, сэра. Во всю мою практику я не встречал двух человек, упорнее противившихся возвращению в этот мир к его тревоблениям, чем вы двое. А когда я добился наконец успеха, когда сам был готов лишиться чувств от усталости сил и душевного напряжения, угадайте – я позволяю вам говорить на этот раз – угадайте ее первые слова после того, как она пришла в чувство?

Я был в таком возбужденном состоянии, что не мог никак догадаться.

– Отказываюсь! – вскричал я в нетерпении.

– И прекрасно делаете, – заметил Мек-Глю. – Первые ее слова, сударь, обращенные к тому человеку, который вырвал ее, так сказать, из самых челюстей смерти, были:

«– Как вы смели вмешаться в мои дела? Зачем вы не оставили меня умереть? – Точь-в-точь ее речь, я присягну на библии. Раздосадованный, я ответил ей (как говорится) той же монетой.

– Река под рукой, сударыня, – сказал я. – Повторите сделанное. Я, по крайней мере, пальцем не пошевелю, чтобы спасти Вас, даю вам слово». Она быстро подняла глаза.

– Вы тот человек, который вытащил меня из реки? – спросила она.

– Сохрани Бог! – говорю. – Я только доктор, который был так глуп, что вмешался в ваши дела после. Она повернулась к хозяйке.

– Кто вытащил меня из реки? – спросила она. Хозяйка назвала Вас.

– Джермень? – повторила она про себя:

– Никого не знаю по имени Джермень, хотела бы я знать, тот ли это человек, который говорил со мною на мосту.

– Тот самый, – ответила хозяйка, – мистер Джермень сказал, что встретил вас на мосту. Услышав это, она задумалась на минуту, затем она спросила, может ли видеть мистера Джерменя.

– Кто бы он ни был, – говорит, – он рисковал жизнью, чтобы спасти меня, я должна поблагодарить его за это.

– Вы не можете благодарить его сегодня, – говорю, – я перенес его наверх, где он теперь находится между жизнью и смертью, я послал за его матерью, подождите до утра. – Она повернулась ко мне не то с испугом, не то с досадой на лице.

– Не могу я ждать, – говорит, – вы все знаете, что наделали вместе с ним, возвратив меня к жизни! Я должна уехать отсюда, завтра же я должна быть за пределами Пертшира. Когда проезжает здесь первый дилижанс, направляющийся к югу? – Не имея никакого представления о первом дилижансе, идущем к югу, я посоветовал ей обратиться к людям в трактире. Мое дело (покончив теперь с дамой) было наверху, в этой комнате, следить за тем, как Вы приходите в чувство. Относительно Вас все шло так, как я только мог желать, и Ваша добрая матушка находилась тут. Я поехал домой на случай, что буду нужен кому-нибудь из обычных пациентов. Когда я вернулся сегодня утром, сумасбродная трактирщица уже была наготове с новой историей.

– Уехала! – вскричала она.

– Кто уехал? – спрашиваю.

– Дама, – говорит, – уехала поутру с первым дилижансом!

– Вы хотите сказать, что она оставила этот дом? – воскликнул я.

– Именно то! – сказал доктор с большим удовлетворением, чем когда-либо. – Спросите Вашу матушку и она удостоверит вас в том как нельзя вернее. У меня другие больные, которых надо навестить... Спешу объехать их. Дама Вы больше

не увидите, и тем лучше, по моему мнению. Через два часа я вернусь и, если я не найду Вас хуже, подумаю о том, чтобы перевести Вас из этого чужого места в знакомую удобную кровать дома. Не давайте ему говорить, сударыня, не давайте ему говорить!

С этими словами на прощание оставил нас доктор.

- Неужели это в самом деле правда? - спросил я матушку. - Неужели она уехала отсюда, не дождавшись, чтобы увидеться со мной?

- Никто не мог удержать ее, Джордж, - ответила матушка.

- Она уехала сегодня утром в дилижансе, который идет в Эдинбург.

Я был горько разочарован. Да, «горько» настоящее слово, хотя речь шла о женщине для меня посторонней.

- Вы сами видели ее? - спросил я.

- Мимоходом видела несколько минут, друг мой, когда шла к тебе наверх.

- Что она сказала?

- Она просила меня извинить ее перед тобой. Она сказала:

«Передайте мистеру Джермену, что мое положение ужасно. Никто на свете не может помочь мне. Я должна уехать. Моя прошедшая жизнь так же кончена, как будто Ваш сын дал мне утонуть в реке. Я должна начать новую жизнь в новом месте. Просите мистера Джермена извинить меня, что я уезжаю, не поблагодарив его. Есть личность, которую я твердо решила не видеть более никогда! Никогда! Никогда! Прощайте, постарайтесь простить». Она закрыла руками лицо и не говорила ничего больше. Я старалась войти к ней в доверие, все напрасно, я была вынуждена оставить ее. В жизни этой несчастной женщины есть какое-то ужасное бедствие. И какая она интересная особа к тому же! Невозможно не жалеть ее, заслуживает она этого или нет. Все окружающее ее - тайна, мой друг. Она говорит по-английски без малейшего иностранного произношения, а между тем имя она носит не английское.

- Она назвалась вам разве?

- Нет, а я боялась спросить ее. Но трактирщица была не так совестлива. Она сказала мне, что осмотрела белье бедняжки, пока оно сохло перед огнем. Белье было помечено: Ван-Брандт.

- Ван-Брандт? - переспросил я. - Это похоже на голландскую фамилию. Однако она говорила так чисто, как англичанка, говорите вы. Пожалуй, она родилась в Англии.

- Или замужем, - заметила матушка, - а Ван-Брандт фамилия ее мужа.

Мысль, что она замужняя женщина, заключала в себе что-то отталкивающее для меня. Я жалел, что это предположение пришло матушке на ум. Я отверг его, я настаивал на моем собственном убеждении, что незнакомка незамужняя. В качестве незамужней я мог позволить себе роскошь думать о ней, я мог обсуждать большую или меньшую вероятность для меня отыскать пленительную беглянку, которая произвела на меня такое сильное впечатление, отчаянная попытка которой совершить самоубийство чуть было не стоила мне жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сивилла - у древних греков и римлян - прорицательница, женщина, предсказывающая будущее

2

Сквайр в Англии – титул, присоединяемый к фамилии земельного собственника.

3

Пикет – старинная игра в карты.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kollinz_uil-yam-uilki/dve-sud-by

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)